

Нина Кихаева

Роза Баккара

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нина Кихаева

Роза Баккара

«Автор»

2026

Кихаева Н. П.

Роза Баккара / Н. П. Кихаева — «Автор», 2026

Это история убийцы. Легендарного киллера. Тёмная личность, скрывающая своё лицо под маской, а личность под костюмом розы сорта Баккара. Никто не знает кто она и не знает, что ей движет. Какие её истинные мотивы? Учёный, некто Аллилуйкин Игорь Игнатьевич изобретает формулу, на основе которой можно создавать такие лекарства и препараты... Светило науки рассказывает об этом всему миру через телевиденье и газеты. С него всё и начинается...

© Кихаева Н. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предусловие.	5
Глава 1. На повестке дня.	7
Глава 2. Сенсация.	17
Глава 3. Орден "Чёрный клевер".	22
Глава 4. Последний вздох старца.	28
Глава 5. Свидание.	34
Глава 6. Офицер Какашкамразь.	41
Глава 7. Сила решает всё.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Нина Кихаева

Роза Баккара

Предусловие.

Тени растворяются глубокой ночью, как краски художника растворителем. Танцует сумрак по белым, невзрачным стенам психиатрической больницы. Тишину разорвал глубокий стон страдальцы. Померкли звёзды. Засуетились врачи, пытаясь успокоить Лидию Львовну. Крик старухи был неумолим. Она орала из последних сил, надрывая измученное горло. Жёсткие руки людей в белых халатах хватали бедную женщину. Словно пойманный птенец, в истерике билась Лида, вырываясь. Цветкова билa врачей кулачками, морщинистыми и жилистыми, извивалась, как змея. Она хотела покончить жизнь самоубийством, когда служители медицины налетели на неё. Женщина пыталась выпрыгнуть из окна. Стальная решётка давно заключила единственное окно в комнате несчастной в свои надёжные объятия. Но, не смотря на это, госпожа Цветкова всё равно искала в окне выход и ключ к спасению.. И было это не в первый раз. Каждый раз женщина не видела решёток и даже не понимала, что они там есть. Даже сейчас она не понимает, кто перед ней и где она находится. Пустые, тёмные глаза смотрели куда-то в сторону. В тот угол комнаты, в котором никого не было и смотрела так, будто там кто-то стоял. В своём бредовом состоянии Лидия Львовна видит то, чего на самом деле нет. Иллюзии несчастную этой ночью накрыли с головой. Врачи, что пытались успокоить пожилую леди, про себя думали, - от куда у старухи столько сил?... Цветкова видела, как за руки и за ноги её хватают черти, чёрные, как смола, с длинными хвостами, рогатые твари. Очень красивый демон стоит в стороне и наблюдает. Глаза цвета белого льда с едва заметной голубой каймой. Многолетний опыт и знания, да усталость прожитых веков мучительно долгой жизни отражаться в демонических зрачках. Густые, снежные ресницы, обрамляют веки. С прямых волос, чуть выше пояса, цвета графита простого карандаша, срывался пепел. Кукольный лик, молодой и прекрасный. Два винтовых рога аккуратно закручены, один вверх, второй вниз. С плеч величественно и элегантно падает бархатный фиолетовый плащ. Застёжка на плаще из чистого и редкого белого серебра, да эмали, символ природы,- цветок, символ неба, - перо. Фиолетовый бархат покрывал обширные, густые, мягкие, будто шёлк, крылья с нежно персиковыми перьями и золотой каймой. Люцифер смеялся, заложив руки на груди. Подрагивали за спиной его бесподобные, божественные крылья, осыпая перья. В считанные секунды перо воспламенялось, превращаясь в солнечно золотой пепел, не долетая до поверхности. Красив безумно. Сверкая янтарными отеками пламени, у ног красавца мужчины скапливалась зола.

Лидии Львовне чудился ад. Цветкова совсем обезумела. Языки огня, бурые скалы, кровавые реки, сухие, почерневшие деревья, летучие мыши. Там, где находилось окошко, пожилая леди видела обрыв, над которым призывно зазывали алые ветра.

- "Проклятый демон! Ты не получишь мою дочь!»,- в истерике заявила женщина, - «Отпусти меня!"

- "Назад пути нет.",- смеясь, ответил Люцифер, - "Дочь твоя по уши в грехах... Руки кровавой розы по локоть в крови... Я заберу её! Мне осталось только затушить последнюю искру надежды на спасение и она,- Моя! Моя! Никто меня не остановит! Слышишь! Что мне какой-то час с отцом, которого я люблю? Ха,- ха! Капля в море! Не дам я драгоценному своему цветку возможности отказаться от меня!"

Женщина в голос заорала, протестуя. В этот момент врач вколол ей успокоительное. Лекарство растеклось по венам. Уплывал ад, уплывали черти. Сознание погружалось в забытьё, медленно и верно. Тело несчастной обмякло, Лидия Львовна погрузилась в сон. В сон,

в котором много лет не рождались сновидения. Иногда покой дарил кошмары, а в основном был беспроглядной тьмой, да тишиной, пустой и безликой. Демон лукаво улыбнулся и исчез. Статный красавец. На столько же прекрасен, на сколько опасен...

Глава 1. На повестке дня.

Ночь. Далеко за полночь... Учёные трудятся, не покладая рук, забыв про сон и время. Забыв обо всём на свете, кроме науки. В васильковых глазах улыбочивого старца возбуждённо пляшет огонь. Служители науки на пороге новых достижений. К чёрту, - спать! Потом, как ни будь... Сон для слабаков, а не для светочей ума.

- "О, не может быть! Ну-ка... Ну-ка... Оооо... Не может быть! Не может быть!", - то и дело восклицал Игорь Игнатьевич в своём белом халате, суется и бегая по всей лаборатории, что-то делая там, что-то там. Группа ассистентов, что внимательно наблюдали, да фиксировали действия старика, кружились вокруг голубоглазого деда преданной сайкой. Вот Игорь склонился над колбами различных форм и цвета жидкостей. В задумчивости Аллилуйкин поглаживал свою бороду. Наслаждаясь процессом и не веря собственным глазам, учёный творил в ночи. Взяв один сосуд с содержимым, он аккуратно наклонил его и капнул в другой сосуд с одержимым. Розовая жидкость прыгнула в салатовую. Мастера знаний следили внимательно. Активно работали чернильные ручки в умелых руках, марая бумагу, решая её девственности. Поднялся грибочек густого дыма. Игорь Игнатьевич замер, затаив дыхание.

- "Оооо... Не может быть...",- снова пролепетали губы старца, - "Это невероятно! Не может такого быть..."

Часть того, что получилось, возбуждённый старик вылил на специально приготовленное блюдечко и поставил блюдечко под микроскоп. «Не может быть», - дед повторял, как заклинание. Пожилой учёный не мог скрыть своего удивления смешенного с восторгом, приятной усталостью и волнением. Таким волнением, как будто на плечи этого гражданина свалился весь мир... В центре лаборатории на обширном столе расположилась миниатюрная теплица, которая содержала в себе множество всевозможных горшков с самыми диковинными растениями. Лицо старца приобрело оттенок стирального порошка. Лоб пробило на холодный пот. Ассистенты подали платочек. Изумлённый своим открытием Аллилуйкин тяжело опустил уставшее тело на стул. Васильковые глаза горели огнём победителя и напоминали топазы. Однако шок есть шок. Группа учёных окружила старика, заглядывая ему в рот и ожидая того, что он скажет. Молчание.

- "Игорь Игнатьевич...",- позвал старца молодой мужчина в белом халате.

Непокорные, медовые волосы игривыми кучеряшками обрамляли веснушчатое лицо ассистента, а серые светлые глаза скрывались за крупными, круглыми линзами очков.

- "Игорь Игнатьевич! Ну, что же вы молчите? Говорите! К чему привели наши исследования? Каковы результаты?"

- "Александр, мальчик мой..",- выдыхая волнение, произнёс пожилой человек, выплывая из тумана собственных мыслей и соображая, кто перед ним, об этой детали Игнатьевич на краткие секунды почему-то забыл, погрузившись глубоко в себя и только теперь вспомнил,- "Этого не может быть! Однако... Может! И ещё как! Я сделал открытие, что потрясёт человечество! Александр, мальчик мой, послушай... Это невероятно! Формула, которую нам удалось создать, способна перевернуть этот мир. Прогресс гигантским шагом продвинется вперёд. Немыслимо! Сашка, мальчик мой, ты же понимаешь... Понимаешь... Какое это изобретение... Оооо... Я должен немедленно весь мир поставить в известность..."

Молодой коллега расплылся в улыбке. Затем парень помог старицу подняться со стула. Рыжий Александр слегка улыбался, да строил бровки домиком, не как зрелый мужчина, каким являлся, а как добрейший и наивный мальчишка. Самородкин понимал эмоции Аллилуйкина и полностью разделял энтузиазм старшего товарища. Сдержанный и спокойный ассистент, подавал большие надежды, был честолобив, любезен и вежлив. При этом Александрович ещё и со всей страстью, на которую способен разве что,- безумец, мечтал о славе величайшего

учёного в мире. Правда никогда этого не показывал, скрывал свои амбиции. Мужчина очень умный, благовоспитанный.

- "Пусть мой настоящий сын никчёмн...",- горячо продолжил Игорь Игнатьевич, цепляясь за локоть Александра, - "Дрянной мальчишка! Пьянчуга,- музыкантишка второго сорта! Грязная свинья! Но ты... Оооо... Сашка, мой мальчик... Пусть я тебе и не отец, но, о мой мальчик... Я всегда относился к тебе, как к родному сыну, о котором всю жизнь мечтал и которого у меня никогда не было..."

- "Я польщён, Игорь Игнатьевич... Я уважаю вас не меньше своего отца..."

- "Вы всё записали?"

- "Да, и подробно."

- "Очень хорошо..."

Старик, сладко зевнув, снял белый халат и повесил его на вешалку.

- "Это немыслимо! Невероятно!", - не унимался дед, - "Оооо... Не может такого быть! Однако... Может! И ещё как... Да поможет мне Господь... О, Александр, мальчик мой, нам ещё столько предстоит..."

- "Ну вот, что! Время позднее... Все дела предстоят завтра. А сегодня..."

- "За полночь, Сашка... Значит завтра, - это уже сегодня!"

- "Да, верно... Позвольте, Игорь Игнатьевич! Я подвезу вас домой."

Учёные засуетились. Каждого ждал дом и заслуженный отдых. Сашка повесил свой халат рядом с халатом старшего сотоварища. Буд-то белыми знамёнами нарядилась вешалка. Самородкин с кошачьей грацией скользнул к выходу первым и, словно прирождённый швейцар, учтиво открыл Аллилуйкину дверь. Немая, безукоризненная, безупречная вежливость, ни одного лишнего движения, жеста или мимики, отлажено, уверено и красиво. Александр Александрович в себе уверен был всегда и никогда не сомневался ни на йоту. Оба джентльмена прыгнули в автомобиль и умчались по дороге.

Раннее утро. Проснулся Аллилуйкин Игорь Игнатьевич. Лаборатория, труд до глубокой ночи, колбы, препараты, учёные, творение его рук и ума, новое открытие и горизонт будущих высот,- всё это старику казалось сном. Формула, о Господи! Это немыслимо! Рядом не было никого, кто ущипнул бы деда, да захлестал ладонью по дряблым щекам, восклицая,- проснись... Пришлось самому... Но, как оказалось, чудо не сон, далеко не сон... Факт! Над созданием этой формулы учёный бился не один год и вот он сделала это... Однако создав что то во истину величайшее, старый гений не может поверить в собственный успех. Так или иначе осознать свои достижения придётся. Такова реальность, такова правда. Мечта обрела крылья и стала явью. Наконец- то! Сегодня Игорь Игнатьевич подарит человеческому социуму сенсацию, а сам станет легендой, обростёт славой и известностью. Прибывая в хорошем настроении, мужчина сделал себе свежа молотый кофе. То, что надо, что бы начать счастливейший день в его жизни. С каждым глотком ароматного напитка старец веселел и становился бодрее. Он был в отличном расположении духа. Вот Аллилуйкин увидел в окно, как во двор нырнула уже давно знакомая Лада Равен. М-да... Редкая марка... Далеко не у каждого есть такой автомобиль... Сразу стало понятно, что за старым учёным заехал молодой светоч науки Самородкин Александр Александрович. Спортивный кар остановился и старик услышал зовущие его гудки.

Молодой Самородкин Александр Александрович напоминал Аллилуйкину Игорю Игнатьевичу его самого и в молодости. Такой же энергичный, амбициозный, полон сил и горячей крови, талантливый, перспективный, целеустремлённый пример для подражания и достойный юноша, каким когда-то был старый учёный.

Дед выбежал во двор, вспоминая молодые годы, довольный, словно кот в рыбной лавке, весело восклицая:

- "Готов, мой мальчик?!"

- "Вы хорошо выглядите, Игорь Игнатьевич. Отдохнувшим."

- "Прокатимся! Нас с тобой ждут великие дела!"
- "К вашим услугам, Игорь Игнатьевич, карета подана."

- "Вперёд Александр и только вперёд!"; - старик бойко залез в машину, - "Вези меня, мальчик мой, в великое завтра!"

- "С удовольствием, Игорь Игнатьевич..."

Владелец автомобиля сел за руль и Лада Равен тронулась с места. Дом и подъезд унеслись прочь. Вот, что значит скорость!

Самородкин знаком со своим старшим сослуживцем не так давно, но любил дряхлого чудака и даже считал его своим наставником. Горячий нрав неугомонного деда с азартными голубыми глазами взбалмошного мальчугана был Сашке по душе. В этой лаборатории рыжий с Игорем Игнатьевичем работал всего полгода, а до того Самородкин трудился в другой, на определённых людей, не чистых на руку. Но о своей прошлой работе молодой мужчина никогда не распространялся. Молчание, - золото! Александр умел держать язык за зубами, когда это нужно. К науке учёный парень всегда относился серьёзно. За дело брался с тройным усердием. В работу нырял с головой, а иной раз рыжей, кучерявой башки и вовсе не было видно. Самородкин жил наукой, дышал наукой, точно так же, как и Аллилуйкин. Сашка во всём терпелив и послушен старшему собрату и так же, как и Игорь с большой гордостью носил белый халат, гордился своим призванием, да успехами.

Учёные навестили журналистов. С жаром старец объяснял каждому о колоссальных масштабах той новости, которую они принесли. Иные подумывали, что дед не в себе и слегка обезумел. Он был возбуждён и импульсивен. Бегал по всей конторе, активно жестикулируя, иногда останавливался отдышаться, да протереть идеально чистые очки. Добравшись до кабинета начальницы он делал всё тоже самое и губы старого светоча ума дрожали. Бородач умело метал бисер перед молодой маленькой и любопытной журналисткой, которая как оказалась ещё и корреспондентка, к тому же и в телевизионной индустрии, - начальница шестого канала. Однако, молодец какой, суетливый дед... Пробивной язык у старого пижона и мёртвого уговорит... А хороша девчонка, ловит каждое его слово, каждый жест..., - про себя подумал Александрович. Рыжий парень по царски развалился на стуле. Он никогда и ничего не стеснялся, не простая жизнь Самородкина отучила от подобной глупости, как стеснение. Саша продолжил думать, пока старший его товарищ присел девушке на уши, - очаровательна, чертовка... А какая маленькая, миниатюрная... О детка, ты такая крошечка... Журналистка была пышногрудой шатенкой с кукольной фигуркой, короткой стрижкой, с зелёными, змеиными глазами. Она бегала заинтересованным ентом за Игорем Игнатьевичем, который, будучи больше не в силах себя сдерживать и выкладывая всё, что так долго копил, мечтая сказать, метался из угла в угол ошарашенным старым петухом. Так же дед добавлял театральные нотки в своём изложении от чего слушать его становилось ещё интереснее. Юная особа слегка прикусывала нижнюю губу и удивлённо, да восторженно припрыгивала. Каждый раз дёргались интересные джиггеры с четырьмя боковыми, накладными карманами в прыжке, вслед за маленькой, аккуратной попкой. Самородкин в расслабленной позе напрягся, сам прикусил нижнюю губу. Догадайтесь сами о чём подумал мужчина в полном расцвете сил и от чего потемнели бледно серые глаза. Малышка умеет строить бровки домиком куда умильнее, чем рыжий учёный. Сашка не был ни высоким, ни плечистым, но чувствовал себя именно таким, глядя на молодую прелесть. Про маленьких людей, как журналистка, обычно говорят, - метр с кепкой, не более.

- "Вы себе только вообразите, Инна Романовна, весь масштаб, всю грандиозность новых открытий...", - горячо подходил к концу Игорь Игнатьевич, - "Лично мне самому не верить, но с фактами не поспоришь... И вот он я, - здесь, перед вами! Мы стоим на пороге кульминационных событий! Это прогресс в науке, скачок для человечества! О, Инна Романовна, вы должны всё увидеть своими глазами. Весь мир должен увидеть! Я хочу об этом поведать миру! Оооо..."

- "Ах, и услышать, Игорь Игнатьевич! И прочесть! Ах, какая статья, какой репортаж...", - девушка мечтательно закатила глаза, подхватив энтузиазм старца.

- "Причём сегодня же...", - в васильковых глазах блеснула сталь, а в голосе прозвучали нотки металла, не терпящие возражения. Закрыла рот молодая корреспондентка, прибывая в изумлении. Воцарилась молчание. Она смотрела долго, затем кивнула. Зелёные глаза с любопытством бросили взгляд на Александра. Сашка сидел на половину, на половину лежал и уже давно не отрывал своих очей от маленькой шатенки. Заметив её интерес, рыжий требовательно протянул ей открытую ладонь. Дай мне руку, малюточка, такая крошечка, - про себя думал самец. Казалось будто парень пытается загипнотизировать малышку, - сообразительная, шустрая блоха, дай мне руку. Задумавшись о том, что будет дальше и страстно желая предугадать его дальнейшие действия, Инна послушно вложила свою руку в его. Возбуждённый Самородкин готов был застонать. Сашка с большим трудом поборол в себе желание притянуть эту смазливую попрыгунью, бельчонка, за руку и одним рывком усадить её к себе на колени. Вместо этого молодой учёный нежно поцеловал тонкие костяшки хрупких пальчиков и сказал, поднимаясь со стула:

- "Ждём вас в лаборатории, после полудня, Инна Романовна."

Александр Александрович не был многословен, в отличие от Игоря Игнатьевича, на девушку произвёл более эффектное впечатление. Чувствовались ум, сила и стать настоящего мужчины, джентльмена, кавалера, благородного рыцаря, добытчика и защитника, преисполненного заботой. По гусарски рыжий парень склонил кучерявую голову в поклоне и растворился за дверью. Так не хотелось расставаться с новым знакомым... Инна Романовна в своём кабинете осталась одна, хлопая ресницами, она долго смотрела на дверь. Затем маленькая шатенка опустилась на стул, на котором раньше сидел Самородкин, с несвойственной ей медлительностью. Местечко ещё тёпленькое... Журналистка, томно вздыхая, прижимала к пышной груди маленькую целованную ручку.

Аллилуйкин выбежал в след за своим молодым коллегой. Белый халат весело выглядывал из под пол осеннего плаща, огненного цвета. Старец носил его весь день не снимая и не расставаясь со своей спецодеждой, словно со второй кожей. Белый халат из дорогого шёлка от Валентина Юдашкина, - мастер сам сшил его на заказ. Именно по этому в иных местах прорисовывается ажурное кружево, но белое на белом не сильно бросается в глаза.

- "Сашка, мальчик мой! Нам надо это отпраздновать!", - заявил жизнерадостный дед.

- "Я так полагаю, - ресторан..."

- "Правильно полагаешь, мой мальчик. Ты всегда отличался проницательностью."

- "Всегда к вашим услугам, дрожащий Игорь Игнатьевич."

- "Сегодня счастливейший день, друг мой, Александр! Заводи свою колесницу! Золухам следует хорошенько подкрепиться, перед тем, как отправляться на бал, где сбываются все мечты!"

Александр приветливо хмыкнул. Редкий случай, но у Игоря Игнатьевича настроение в зените, раз проснулось чувство юмора. Парень торжественно распахнул дверь своего автомобиля, учтиво склонив голову, пригласил:

- "Садитесь Игорь Игнатьевич. Если вы Золух, то я с удовольствием послужу для вас, как фей Крестный..."

- "Не сомневаюсь, с этой ролью, ты справишься прекрасно, мой мальчик. Поехали!"

С этими словами старый учёный забрался в Ладу Равен. Машина умчалась по дороге.

Ресторан. Приближается полдень. За столом сидят двое мужчин. По детски радостный старик, не способный сдерживать эмоций, во всю прыть, не присущую человеку седин, уплетает пасту болоньезе.

- "Обожаю Италианскую кухню...", - бормочет себе в бороду Аллилуйкин с набитым ртом.

Игорь Игнатьевич, человек экстравагантный, яркий, по мимо того, что ума у старика львиная доля, как и стремлений, так ещё энергии, как у молодого, любой кролик, даже с батареей энэрджайзер позавидовал бы. С причудами дед, его поведение всегда выходило за рамки поведения нормального человека. Но гению мысли на это плевать, он сам себе на уме.

На счёт белых халатов у старца был фетиш. Аллилуйкин на столько гордился тем, что он учёный, что обожал носить халаты. Как же,- он профессор наук, гений, мыслитель, ни хухры-мухры... Так пускай все и видят, для полного экстаза оставалось только написать на лбу,- Учёный! Только не все знали о том, что старик,- учёный и не всегда по халату догадывались об этом. Прохожие смотрели на чудилу с недоумением. Кто то смеялся, кто то отворачивал детей, и крутил пальцем у виска. Иной раз его принимали за врача, либо за душевно больного. Здоров, как бык пожилой светоч науки, и умом и телом, просто не такой, как все. Гардероб обычных вещей старца не был так богат, как гардероб его белых халатов.

- "Вы большой оригинал, Игорь Игнатьевич...", - не двусмысленно сказал Александр Александрович, сдержанно отпив горячего кофе.

- "Италия!", -неожиданно воскликнул дед и повторил, - "Италия! Прославлюсь здесь и отправлюсь в Италию. Ты!", -старик резко указал грязной вилкой на Самородкина.

- "Что,- я?..."

- "Я был бы счастлив, мой мальчик, если бы ты согласился бы поехать вместе со мной."

- "Я подумаю... Не будем задавать слишком большие планы и строить слишком воздушные замки. Как бы Золух, набирая обороты, не остался бы при разбитой тыкве..."

- "К чёрту тыквы! Не Итальянская кухня! А пиццу, на сколько я помню, нельзя разбить! Не бойся, мой мальчик, этот корабль непотопляем."

- "Я подумаю, Игорь Игнатьевич, я подумаю... Извините меня, Игорь Игнатьевич, но я вынужден не на долго покинуть ваше общество.", - Сашка приостановил за рукав проходящего мимо официанта, обращаясь к нему, - "Милейший, позвольте... Где здесь уборная?", - и милейший показал, где туалет.

Самородкин зашёл в указанное ему место, вот только не ради нужды... Ресторан один из самых дорогих. Не для колхозного, деревенского сброда. Туалетные комнаты в таких местах, соответствуют социальному статусу элиты общества. Полы, стены и унитазы в каждой кабинке сияли чистотой, в гладкой белой поверхности можно увидеть своё отражение, над каждым умывальником цивильно висели белые полотенчики. Пахло розами. Мыло фигурное. В унитазах вода на столько чистая, что её можно было даже пить, она была чище, чем вода из под крана в квартирах.

Мужчина огляделся, проверил нет ли камер, есть ли кто в кабинках. К счастью камеры в внутрь кабинок не заглядывали. Это на руку... Убедившись в том, что в туалете он один, Сашка плавно скользнул в одну з кабинок и закрыл на замок дверь. Но и это не вся конспирация... Рыжий достал из кармана брюк устройство,- собственный гаджет, которое прекрасно крепится к стене. Очкарик установил прибор и не забыл его включить. Изобретение Самородкина позволяет звуку не проникать дальше закрытого помещения. Теперь голос парня никто не услышит, если только он не находится с молодым учёным в одной кабинке туалета. Александр Александрович опустил крышку унитаза, уселся, достав из кармана другое устройство. Вытянув какие-то усики, да умело понажимав на крохотные кнопочки, мужчина надел гаджет на правое ухо. Тоненькая антенна сама выдвинулась к его губам. Диковинное средство связи.

- "Мария Алексеевна, вы меня слышите?...",-взволновано начал Александр, услышав хлопанье крыльев и голоса чаек.

- "Два Ал...", - отозвалась женщина.

- "Приятно, что вы помните моё прозвище... Мария Алексеевна, я изобрёл препарат, способный помочь вашей матери..."

Женщина средних лет в довольно таки стареньком, в вязаном серо-голубом платье в пол, с карманами и длинными широкими рукавами, стояла на берегу набережной, кормила чаек. В её правом ухе находился такой же прибор связи, как и у Самородкина, изобретение молодого учёного. Выющимися, чёрными, словно воронье перо, волосами играл ветер. Тёмно-карие глаза устремились в глубь сине-зелёных волн, танцующих на фоне лазурного небесного полотна. Она не опасалась того, что кто-то специально или случайно сможет подслушать её разговор и кормила белых птиц как раз для того, что бы голоса пернатых заглушали её голос. Своеобразный щит от любопытных ушей.

- "Как давно мы с тобой знакомы, Два Ал?... ", - в тихом вопросе Марии прозвучали лёд и скорбь, - "Ты прекрасно знаешь, что я за человек и чем зарабатываю, ради того что бы обеспечить маму, по возможности, лучшим уходом и, собственно, лечением..."

- "Госпожа Цветкова, поверьте мне, я говорю вам правду."

- "Поверить?..."

- "В лаборатории мы создали нечто потрясающее... Действительно стоящее... Формулу, способную помочь всему миру... На её основе и только ради вас, Мария Алексеевна, я создал препарат, способный помочь вашей матери..."

- "Я не кому не верю. Тем более на слово, Два Ал."

- "Вполне логично..."

- "Нет. Дело не в моей логике... Дело в моём сердце... Ни одного человека я больше и близко не подпущу к тому серому граниту, что гоняет кровь внутри меня..."

- "У вас ледяная душа, Мария Алексеевна... Как поживает тёмный, тайный орден «Чёрной клевер»?"

- "Пол года назад ты сам на него работал, Два Ал, да ушёл от туда..."

- "Да, ушёл..."

- "Я,- наёмница, лучшая в своём деле. «Чёрный клевер», - это организация со большими амбициями и очень кровожадные люди... Тебе ли не знать..."

- "Да, я знаком с тёмным орденом. Хорошо весьма знаком, лучше, чем хотел бы..."

- "Мне в принципе всё равно кто... Мужчины, женщины, старики или дети... Лишь бы за голову каждого приличные деньги платили. Я никого не люблю, только маму. Понадобиться вырезать целую нацию, ради жалкого, краткого мгновения, которое позволит поговорить с ней прежней, люди захлебнуться в собственной крови и никто меня не остановит. Однажды или два раза, не помню, но в деле ты меня видел, Два Ал."

Александр Александрович дрогнул, в ужасе зажмурился, вспомнив, что он тогда видел. Розу Баккара не единожды нанимал «Чёрный клевер» и по сей день тайный орден пользуется услугами знаменитой наёмной убийцы. Эта женщина пугает, но так или иначе Сашка единственный человек на земле, кто знает инкогнито смертоносного цветка. Марии он помогал с лечением её матери. У «Чёрного клевера» растущий, не в меру жадный аппетит. Его возглавляют богатые, влиятельные, мрачные личности, желающие править миром.

- "Да, видел, Мария Алексеевна...", - Александр тяжело вздохнул, едва справившись с нахлынувшими эмоциями, - "Не напоминайте. Сегодня Игорь Игнатьевич объявит всему миру о создании удивительной формулы. Препарат, который должен помочь вашей матери, разработан на основе это формулы. Разум несчастной проясниться, расстройства исчезнут, психическое состояние стабилизируется. Да, но должен предупредить, Мария Алексеевна. Эффект будет временный... Всего сутки."

- "Для мня и сутки,- много... Но как такое возможно?..."

- "Не спрашивайте меня, как возможно, госпожа Цветкова... Чёрт побери, Мария Алексеевна! Сколько можно сомневаться?... Я,- ваш верный соратник и всегда играл на ваше стороне!"

- "Это верно, Два Ал... А может по тому, что ты меня боишься?..."

- "Мария Алексеевна!"
- "Ну вот что... Я поверю тебе..."
- "Ну наконец-то... Хвала богам..."
- "Правда только после того, как своими глазами увижу эффективность твоего препарата, не раньше."

- "Как скажите, Мария Алексеевна. Что на счёт денег?"
- "Любая сумма... Столько ты хочешь?"
- "Вы же понимаете, я не для себя, а только ради науки... Предстоит долгий путь, исследования, опыты... Нужны деньги на расходы..."
- "Понимаю. Сколько?"
- "Ну... Я даже не знаю... Тут надо рассчитать..."
- "Два Ал, не томи. Раздражает. Сколько?"
- "Думаю два миллиона для начала. Сдаётся мне, что при большем усердии и лучшем оборудовании, я мог бы создать препарат и получше, а в будущем есть вероятность излечить от безумия вашу мать раз и на всегда. Всё ради вас, Мария Алексеевна..."
- "Сними свою маску благодетеля, Два Ал... Я знаю тебя и знаю желания твоего сердца... Иначе, ты бы не интересовался бы «Чёрным клевером»..."

Впервые за всё время лицо молодого учёного, сокрытое за обходительностью и блестящим воспитанием, исказилось в настоящих чувствах Самородкина. По детски улыбочивый миловидный лик с бровками домиками перевоплотился в уродливую гримасу гнева и даже веснушки казалось горят багровым пламенем. Саша выпалил то, что накопилось на его многотрадной душе и голос мужчины трясли нотки истерики:

- "Мсть! Мсть этим эгоистичным тварям! Глупцам! Мсть! Они называли меня мечтателем, романтиком, витающим в облаках... Смеялись надо мной и моими идеями! Не воспринимали в серьёз! Считали, что я слишком молод! Ох, как глубоко их озеро надменных заблуждений... Но они ещё узнают... Попляшут у меня, презренные ублюдки! Я докажу всему миру, что я, - гений! Гений! Гений! И каждый должен приклоняться перед моим могучим интеллектом, да целовать мне ноги!"

- "Так я и думала... У тебя всё?"
- "А ещё я хочу сам возглавить тёмный орден «Черный клевер». И, пожалуй да, на этом, пока, всё."

- "«Чёрный клевер»? Возглавлять этих бездушных чертей? Знаешь ли ты, мальчишка, сколько людей они губят, ради собственного благополучия? Искалеченные души... Прости, но мне плевать на твою жизнь, я давно мертва и сострадание для меня пустой звук. Эти люди очень опасны... К тому же, они могут нанять меня, что бы я убила тебя. Ради мамы я убью кого угодно.. Не суйся в воду, не зная броду, Два Ал..."

- "Раз так... Тогда я нанимаю тебя!"
- "Что прости?"
- "Я нанимаю тебя!"
- "В смысле?..."
- "Что они могут вам дать, кроме денег?... Учёные «Чёрного клевера» не будут думать о вашей матери, Мария Алексеевна... А я даю препарат, лекарство, пусть и временное, но всё же..."

- "Продаёшь, вернее..."
- "Это ли сейчас важно? Я к тому, что если мы объединимся, как симбиозе, то возможно в будущем на основе этой формулы я разработаю препарат поэффективней и смогу раз и навсегда излечить вашу мать..."

- "Значит, ты всё таки настаиваешь на том, что препарат подействует..."

- "Я,- учёный, Мария Алексеевна.. Вы,- профессионал в своём деле, я,- профессионал в своём..."

- "Хорошо!... Ладно!... Сам Дьявол тебя любит... Симбиоз так симбиоз... «Чёрный клевер» и в самом деле при всех своих деньгах не в силах дать мне то, что я ишу..."

- "Рад, что мы договорились..."

- "И да, Два Ал, такой момент... Когда этот твой..."

- "Игорь Игнатьевич."

- "Игорь Игнатьевич будет объявлять всему миру о ваших научных достижениях... Короче, пожалуйста, Два Ал, святись на камеру поменьше. Могут возникнуть неприятности. Постарайся держаться в тени..."

- "Я понял."

- "Это хорошо. Надеюсь ты не слишком привязан к своему Игорю Игнатьевичу?... Сам понимаешь, чем это чревато, когда имя учёного прогремит на весь мир..."

Сашка побледнел лицом и протёр лоб кусочком туалетной бумаги. Холодный пот прокатился ледяными иголками, беспощадно кусая. Он любил старого дурня, эксцентричного чудака, однако не на столько, что бы мечтая о мести полгода, от неё отказаться, ради жизни этого деда. В итоге, справившись со своими чувствами, Самородкин ответил:

- "Я привязан только к жажде власти и мести. А когда возглавлю «Чёрный клевер» с удовольствием оформлю патент нового изобретения на своё имя..."

- "Видно, мы работаемся.. Я буду финансировать твои исследования в обмен на препарат для моей мамы. Когда создашь лекарство, способное навсегда её излечить, я поднесу и головы к твоим ногам. Сберегу от рук «Чёрного клевера» твою жизнь. Будешь, как у Дьявола за пазухой. Сколько крови на моих руках... Сколько... Не когда мне её не отмыть. Я,- убийца,- охотница за жизнями. - хищница... Леопард не способен отмыть свои пятна..."

Это были её последние слова. Брюнетка отключила гаджет связи, сняла с уха и убрала в карман. Мария выбросила остатки хлеба, которым потчевала чаек, да пошла дальше, разглядывая берег набережной с тоской и безразличием. Чёрный волос подбирали ветра...

Александр, как ни в чём не бывало, вернулся из туалета. Одному только Богу известно, что творилось в душе Самородкина, но рыжий привычно приветлив, улыбался, словно и не произошло не чего... Он увидел морщинистое лицо старого коллеги с юношескими, горящими, как солнце, голубыми глазами, да мысленно попрощался с ним. Сердце в этот момент тяжелело, будто наполнялось свинцом и каждый его размеренный стук парень слышал отчётливо. Игорь Игнатьевич уже давно расправился со своим обедом и с нетерпением ждал возвращения Александра.

- "Что так долго, мой мальчик?",- весело осведомился старик, - "Вперёд! Пора отправиться на встречу своей судьбе..."

Порой судьба играет с нами злую шутку,- про себя подумал Александрович. А в слух лишь вздохнул, построил бровки домиком и улыбнулся ещё шире, да сказал:

- "К вашим услугам, Игорь Игнатьевич... Идёмте в объятия судьбы..."

Старец тут же подорвался и неловким движением качнул круглый столик. Недопитая Александром чашка кофе подпрыгнула вместе с пустой посудой, да опрокинулась выплеснув своё содержимое на Аллилуйкина. Белый халат от Валентина Юдашкина мгновенно окрасился уродливой бежевой росписью. Кружка скатилась на пол и разлетелась на осколки. Не добрый знак,- промелькнула мысль в голове у рыжего. Парень нервно сглотнул и тут же спрятал свои эмоции за непроницаемой маской. С минуту Игнатьевич стоял в молчании, скорчив обиженную гримасу. Именно в этом халате Игорь хотел предстать перед репортёрами и журналистами. Старый вдруг плюнул, резко сорвал с себя испорченный халат и бросил его на пол со словами:

- "Пёс с ним! Теперь это половая тряпка и не более!"

Александр присел на корточки перед упавшей на пол вещью.

- "Вы уверены? Стоит ли вот так?... Из-за какого-то пятна? Всё ж таки не из самых дешёвых получилась половая тряпка... На край,- химчистка есть... А так... Да просто расточительство..."

- "А! Ерунда! В Италии мне халаты будут шить лучшие Итальянские модельеры!"

- "Что ж... Он вам и в самом деле не понадобится...", - Сашка сказал это больше для себя, чем для него, едва слышным шёпотом.

- "Что ты там бормочешь, мой мальчик?"

- "Да, не... Ничего. Едим! Судьба заждалась..."

Уже в машине. Рыжий вёл свою Ладу Равен. Игорь Игнатьевич неугомонно ёрзал в кресле, рядом с парнем, да приговаривал:

- "Скорее, Сашка! Скорее, мой мальчик!"

Не торопись, старый дуралей. Успеешь сыграть в ящик, думал водитель, а дед не унился:

- "Скорее! Скорее! Надо успеть до того, как в нашу святую обитель науки пожалуют репортёры и журналисты. Скорее, мой мальчик!"

- "Да что с вами, Игорь Игнатьевич?... Вы, как на иголках... Прошу вас, успокойтесь, господин Аллилуйкин."

- "Я, - голый!"

- "Что-то я не совсем понял..."

- "Белые халаты!"

- "Что,- белые халаты?"

- "В лаборатории висят белые халаты... Не хочу, что бы меня видели без халата... Я к нему привык, а без его, чувствую себя голым... Особенно не хочу чувствовать себя голым перед журналистами и репортёрами."

Александр прыснул смешок в кулачок. Затем выражение его лица обрело мечтательный вид, рыжий вспомнил Инну Романовну. А ведь он сейчас её увидит, эту юркую маленькую шатенку... Ну точно, - белка, не иначе... Своему старому коллеге парень сказал:

- "Не проблема, если дело только в этом, Игорь Игнатьевич... Возьмите мой, на заднем сидении..."

- "О! Сашка, мальчик мой, а как же ты?"

- "Что,- я?"

- "Разве ты не чувствуешь себя голым без халата?"

Самородкин не удержался от смеха. Фантазия нарисовала парню, как он чувствует себя уверенно и комфортно расхаживая по улице совершенно нагим, но зато в халате.

- "Нет, не чувствую, Игорь Игнатьевич. Я слишком заурядный по сравнению с вами."

Васильковые глаза старца сощурились. Свяtilось в них сто то задорное, да лукавое. Старик выдал:

- "Может ты предпочёл бы чувствовать себя голым и не отказался бы остаться наедине с Инной Романовной?"

Александр проглотил смех и тут же покраснел, как помидор, но решил отпираться:

- "Вы о чём, Игорь Игнатьевич?"

- "Сашка, мой мальчик! Не притворяйся! Я видел, как ты на неё смотрел... Оооо... Пора юности... Пора цветов... Не думай... Раз я стар, то не понимаю?... Ещё как понимаю! Оооо... Молодая, горячая кровь... Сам когда-то был молод..."

Самородкин нечего не ответил, вместо этого раскраснелся в смущении ещё больше. Веснушки так и пылали. Парень даже слегка прикусил свой язык, сглотнул. Так они ехали молча.

Машина плавно вынырнула из за угла и здание лаборатории нарисовалось перед глазами. Жалкие метры оставалось доехать, но эти метры, как оказалось, заняли фургоны съёмочных труп и операторов. Море людей в ожидании и в нетерпении скучковались и столпились вокруг

обители светочей науки. Другие ассистенты Игоря Игнатьевича давным-давно были на месте, заняв глухую оборону и, как могли, отбивались от вопросов носителей новостей.

- "Оооо...", - протянул своё привычное дед, - "М... Да... Инна Романовна работает оперативно..."

Александр резко нажал на тормоз, стояло его серым глазам найти белку репортёршу и журналистку.

- "Что с тобой, мой мальчик?"

Дед потянулся за халатом, его коллега не чего ему не ответил, лишь слегка приоткрыл рот. Инна Романовна распоряжалась своими подчинёнными операторами, журналистами, корреспондентами и другими, которые подчинялись каждому слову малышки. Сашка подумал про себя, что ему прежде не когда не приходилось видеть существо более очаровательное, чем крошка, - шатенка и мордашка у чаровницы самая миловидна на всей земле. А как бойко и чётко она раздаёт указания усердным работникам... Что за белка! Кукольную фигурку подчёркивало короткое вязанное платье лапша с рукавами, бардового цвета. С боку возле ключицы рисовалась брошка, - чёрный котик. Полусапожки из коричневой замши на хрупких, женственных, стройных ножках, обтянутых плотными колготками. Да, не май, но и не ноябрь... Осень в этом году была довольно тёплой. Золотой листочек плавно упал с дерева на шоколадную шапку коротких волос. Маленькая ручка сняла с головы кленовой листок, игриво завертев его между пальцами.

- "Какой мой любимый цвет?", - резко и неожиданно спросил Александр, не сводя пристального взора с девушки в сногшибательном, бардовом платье.

- "На сколько я знаю, зелёный.", - ответил Игорь, одевшись в халат.

- "Я тоже так думал... Раньше... Но знаете что, я передумал... Думаю, люблю вишнёвый..."

Именно эту ягодку в своём наряде на тот момент и напоминала журналистка молодому учёному.

Глава 2. Сенсация.

Спортивный кар никто не ждал. Тем более никто не ожидал того, что служители науки подъедут на такой крутой тачке, да ещё и на такой редкой как Лада Равен... Стоило только Самородкину и Аллилуйкину выйти из машины, как эти двое тут же привлекли к себе всеобщее внимание. Корреспондентка ткнула ухоженным пальчиком, облачённым в золотой маникюр в сторону учёных и радостно завизжала:

- "Вот они!"

Море людей устремились к прибывшим потоком. Как оказалось, это были репортёры не только шестого канала и журналисты одной газеты. Похоже в вечерних новостях из покажут по ящику по всем телеканалам... М... ..да... Немного смущает... В любом случае, мужчины не девственные школьницы перед красавцем студентом, что бы ломаться... Не до такой ерунда, как смущение, сейчас. За чем всё это начали, туда и надо вести... Пусть даже и кругом идёт голова... Ну и шумный же народ, эти вестники новостей! Учёные совладали с собой и Аллилуйкин взял слово:

- "Наука не стоит на месте!... Она движется вперёд, рождая прогресс. При помощи новых технологий я и мои коллеги выявили на свет такую формулу, которая перевернёт человечество с ног на голову..."

- "А скажите... А скажите...", - только что и делала, как выкрикивала толпа, Сашка старательно пытался скрыться за спиной деда, кто-то задал такой вопрос, - "В чём заключаются особенности и характеристики вашей формулы?..."

- "Оооо... Я могу говорить об этом долго... Но лучше покажу! И вы увидите всё своими глазами... Господа, пройдёте в лабораторию, нас уже ждут.... Оооо... Вы не поверите своим глазам..."

И они пошли. Море людей устремилось за кораблём.

- "Скорее, Валера! Не отставай!", - крикнула маленькая шатенка, умело и проворно пробираясь через массы. Бежала так шустро и ловко, словно бурундук спешащий куда-то через ветви деревьев. Голубоглазый мужчина средних лет, шатен с волнистой шевелюрой с лёгкой щетиной и с камерой в руках следовал за ней по пятам, да едва успевал кричать в ответ:

- "Я за вами, Инна Романовна! Я за вами!"

Девушка резко повернула миловидное личико на камеру. Змеиные глаза вспыхнули изумрудным огнём. Она и её оператор приближались к группе учёных, стоящих у входа в лабораторию, с другой стороны к зданию шли Аллилуйкин и Самородкин, за ними шлейф человеческих тел. Толпы. Шатенка заговорила спешно, но каждое слово произнесла отчетливо и в нужной интонации:

- "С вами я, - ваш любимый журналист газеты Блокнот и репортёр шестого канала Любопытна Инна Романовна. Сегодня мы стоим на пороге великого открытия. Величайшего в мире. Рядом со мной два революционера по части, области науки, учёные, - Аллилуйкин Игорь Игнатьевич и Самородкин Александр Александрович..."

- "Я всего лишь ассистент...", - рыжий протестуя замахал руками и сделал пол шага назад, он бы ещё отошёл, если бы сзади не стояли люди, которые чуть ли не дышали ему в спину, - "Один из многих."

- "Верно, мой мальчик!", - слово взял старик, - "Работа была коллективной, но в итоге формулу изобрёл я. Коллеги мне помогали. Это грандиозный успех! Наша мать и покровительница, - Наука... Оооо... За мной, господа!"

Он отворил двери лаборатории и распахнул. Человеческое море заполнило залы. Журналисты и корреспонденты, операторы, помощники и прочие тянулись следом за апостолами знаний и ума. Старый дед для служителей печати и телевиденья сиял редкой находкой, драгоцен-

ной жемчужиной. Вот выстроились люди в белых халатах, прямо как солдаты, горделиво задрав подбородки, ожидая слов лидера. Сашка, камер стараясь избежать, встал позади. Сиротливо и скромненько... Словоохотливый старик завёл свою речь, демонстрируя жидкости в пробирках, рассказывая о них и показывая какие ингредиенты он смешивает, что бы получить нужное вещество. После всего, старый учёный взял в руки шприц с совершенно новенькой иглой и набрал получившейся препарат.

- "Александр! Мальчик мой!", - радостно воскликнул Игорь, слегка стрельнув струйкой из шприца, - "Неси подопытного!"

Рыжий потемнел лицом в немом возмущении. Все ассистенты знали к кому обращается Игнатьевич... Совсем не по тому, что Александр в коллективе один, это не так. Только Самородкина Аллилуйкин имел удовольствие называть, - мальчик мой, мой мальчик. Коллеги расступились, жала камер воззрились на веснушчатого парня. Схорониться серой мышью не получилось. В кучерявой голове промелькнули мысли, - старый дурень! И он всегда так делает... Но почему?... У старика целый штат помощников, а он всегда из всех выбирает меня. Всегда! Хоть бы раз кого другого... Хоть бы один раз... В миг Самородкин сглотнул, затем взял над собой самообладание. Умело молодой учёный скрыл свои эмоции за маской улыбочивого, добродушного мальчишки и удалился за подопытным, вытирая руки об халат. Вскоре Сашка вернулся и принёс клетку с маленьким животным. Старая слепая, потерявшая нюх и почти глухая морская свинка притаилась за железными прутьями.

- "Смотрите внимательно, друзья мои.", - сказал Аллилуйкин.

Самородкин вытащил зверька из клетки, поставил на стол, слегка придерживая. Много ли старому животному надо, что бы не рыпаться?... Старик вколол морской свинке содержимое шприца. Несколько минут и метаморфозы не заставили себя ждать. Случившееся поразило всех присутствующих. Люди в буквальном смысле таращились, не веря собственным глазам. Зверёк наглядно молодел, преображалась даже шёрстка. Ахнув, многие застыли. Заработал влажный носик, зашевелились усы. Маленькое тело налилось силой здоровой, бодрой морской свинки в расцвете лет. Активно задвигался пушистый в руках у рыжего. Парень поспешно сунул животное обратно в его клетку. Десятки взоров, а может и больше лицезрели это существо пристально и с удивлением, да даже с восторгом.

- "Он видит! Он видит!", - не выдержав, воскликнул оператор Инны Романовны, Валерий Андреевич, - "А до того, был слеп, я заметил!"

- "Феноменально!", - радостно воскликнула его маленькая начальница, - "Дамы и господа мы стали первыми очевидцами этого невероятного чуда..."

- "Оооо... Инна Романовна, как вы правы...", - слово снова взял старый учёный, - "Но, позвольте... Джек не только прозрел, как должно быть все заметили... У него стопроцентное зрение! Абсолютный нюх и слух."

- "Игорь Игнатьевич...", - трепетала в волнении шатенка, - "Но как?... Как такое возможно?... Ваша крыса... Ваш... Джек. Он не только восстановился физически, он ведь ещё и помолодел!..."

- "Оооо... Рад тому, что вы спросили меня об этом... Я расскажу! О, господа! О, господа! Я верю, в ближайшем будущем мы сможем контролировать процесс старения, да излечивать хронические заболевания. Формула, которую я создал вступает во взаимодействия с генетикой и помогает нашим клеткам воспроизводить себя. Препарат ускоряет деление клетки внутри клетки, так же оказывает воздействие на белки, коллагены, эластины во внеклеточной матрице. Формула делает более прочными волокна коллагена и эластина, а так же более гибкими, клетки она делает более активными, а так же повышает прочность бислоя. Клетки решают свои задачи быстрее, перестают цепляться за волокна внеклеточной матрицы, повышается активность, регенерация возрастает, возвращается молодость. Случайные сшивки между волокнами коллагена перестают образовываться. Препарат так же создаёт глюкозу и гликозаминогликаны,

только гликозаминогликаны он создаёт более гибкими, подвижными, способными, растягиваться и сокращаться, благодаря чему сосуды с возрастом не становятся жёсткими и давление не повышается."

- "В это сложно поверить, Игорь Игнатьевич...", - заметила маленькая журналистка.

- "Согласен с вами, Инна Романовна... Вы абсолютно правы... В это сложно поверить. Но и не поверить в это тоже сложно!..."

Аллилуйкин взял в руки специальный аппарат и этим инструментом уже через решётку, (по тому, что морская свинка была активная и могла убежать), придерживая зверьку свободной рукой сверху, дед аккуратно срезал фрагмент кожи Джека, стараясь причинить как можно меньше боли, ему и нужен то был крохотный кусочек. Этот кусочек кожи учёный положил на заранее заготовленное ассистентами блюдечко и поставил под микроскоп. Самородкин не стал ждать распоряжений старшего сотоварища и тут же уселся за компьютер. Не за чем привлекать к себе внимание... Пусть пока Игорь Игнатьевич будет единственной звездой в научном небе... Его время ещё придёт, не сегодня, но придёт... Придёт обязательно...

Включился масштабный экран на стерне, занимающий почти всю площадь стены. Изобразилась кожа грызуна под микроскопом. Изображение стало расширяться... Поверхность эпидермиса, затем ещё глубже, клетки.

- "Дамы и господа, вы имеете удовольствие наблюдать своими глазами то, как двигаются клетки данного подопытного организма...", - затем на экране появились волокна эластина и коллагенов в непрерывном движении, как будто живой, постоянно меняющий форму, клей. Доктор наук указал на него длинной указкой, которую принесли ассистенты, - "А это то, о чём я вам говорил, - гликозаминогликан, созданный вот этим вот приоратом..."

Старик приподнял над головой колбочку с жидкостью и аудитория наградила гения бурными овациями. Колоссальный успех. Васильковые глаза деда светились гордостью и самодовольством. Широко улыбаясь, Аллилуйкин продолжил:

- "На основе моей формулы можно будет разрабатывать капсулы или таблетки, способные замедлять процесс старения. Даже не побоюсь заявить, возвращать старикам молодость. Да вы только представьте себе!... Будущие! Лекарства, излечивающие неизлечимые болезни, такие, как онкология, туберкулёз, сколиоз, СПИД, сифилис, гангрена и много другое... Оооо... Про вирусные заболевания можно будет позабыть навсегда. А инвалиды! Их можно будет ставить на ноги... Я верю... Оооо... Я верю в великое будущее человечества!... Да благослови меня Наука!... Веди пасынка своего к свету, я верю и уповаю на тебя мать всему,- Наука! Оооо..."

- "Потрясающе, Игорь Игнатьевич! Вы, просто гений!", - восхищалась Любопыттина.

- "Хотел бы я с этим поспорить, Инна Романовна, но факт,- есть факт... Вы абсолютно правы, я,- гений..."

Затем продолжились вопросы и ответы. Воодушевились вестники новостей. Толпа стала более шумной и активной, да начала яростнее со всей страстью выкидывать в словоохотливого старика микрофон. Час уходил за часом. Близился вечер. Казалось прошла целая вечность. Не будет конца голосам и съёмкам, но вот настало долгожданное время, когда съёмки подошли к концу и работники печати, да телевиденья начали сворачивать свою деятельность. Из учёных они и так вжали всё, что могли, все силы и знания, словно свесь сок из спелого винограда, да сами отдали всю энергию, самих себя без остатка. Валерий выключил свою камеру, сложил её и убрал аппарат в сумку с уставшим вздохом. Тут же мужчине на шею бросилась шатенка в бардовом платье со словами:

- "Валера! Сенсационный репортаж! Что за материал!"

- "Согласен...", - смутившись, едва смог проговорить Андреевич.

Молодого учёного будто в лаз кольнули иголкой, когда он увидел как Инна Романовна на кого-то прыгает и кого-то обнимает. Рыжий парень не добро сощурился. Серые глаза потемнели. В них отражалась угроза. Александр подошёл к репортёрше и её оператору.

- "Кто это?", - холодно осведомился учёный.

- "Вездесущий Валерий Андреевич.", - тут же спохватился шатен и протянул светочу науки руку для рукопожатия. Сашка на глаз определил то, что Валера старше его, но не на много, примерно пять, шесть лет, плюс, минус. Мужчина средних лет, но это нисколько его не портит... Не дурён собой, мерзавец... Андреевич был очень добрым малым и улыбался всегда искренне и дружелюбно. В небесно-голубых глазах плескались весёлые нотки, возле глаз играли радужные морщинки, о внешности они совершенно не портили, а даже преображали. Конкуренции Александр Александрович люто не любил. Самородкин ведь всю жизнь рыжий, кучерявый, в веснушках и в очках. Нет, личико у него вполне смазливое, даже по детски милое, когда парень строит бровки домиком... В детстве сверстники всегда над ним издевались. Смеялись, называли несчастного именами персонажей мультфильмов, такими, как Незнайка на луне или Антошка, пойдём копать картошку. Сейчас повзрослевший учёный выглядит безобидно, но в глубине души Сашка люто ненавидит тех, с кем делил детство, почти всех, как и людей из тёмного ордена «Чёрный клевер».

- "Это мой видеооператор...", - смущено пояснила Любопытина.

Рыжий ревнивец не особо этого хотел, но всё же пожал руку Вездесущему. Про себя Самородкин подумал, - оператор значит... Да уж... Возглавлю «Чёрный клевер», прикажу Розе Баккаре убить его, а то крутятся здесь всякие вокруг моей девушки... Но пока Инна ещё не была его девушкой, просто в парне проснулось чувство собственности. В итоге, наконец совладав с собой, молодой учёный вежливо наклонил голову и представился:

- "Самородкин Александр Александрович."

- "Ах, простите... Так это вы...",- сконфузился голубоглазый шатен, метая хитрый весёлый взгляд то на него, то на журналистку... Что значит, - так это вы?... Вроде бы Самородкин ещё не прославился и не был знаменитым, да и никуда толком не ходил, кроме дома и работы, что бы каждая собака его знала...

- "Не понял вас, Валерий Андреевич..."

- "Тот самый парень... Наслышан о вас, Александр Александрович..."

- "От кого?"

- "От Инны Романовны... Эта девушка полчаса кружилась перед зеркалом, выбирая себе наряд, который бы понравился вам."

Так вот оно что! Ах, белка! Рыжие брови в удивлении поползли вверх. Сашка шатнулся, его ноги слегка подкосились... Так это восхитительное платье вишенка надела ради него! Вот чёрт! Что за девчонка! Голова шла кругом. Мысли опьяняли крепче вина. Валера сдал подругу с потрохами. Ладно уж, пускай живёт, шельма... Девушка зарделась, затем сердито завизжала на своего оператора, толкнув в бок шатена локтем:

- "Валера!"

Мужчина айкнул, затем сказал:

- "Полно вам, Инна Романовна... Съёмочная группа сворачивается... Я подожду вас снаружи."

Валерий поспешил удалиться. Александр в этот момент был ему благодарен и больше не ревновал. Хитро сощурился Сашка, тем самым стал похож на рыжего лиса. Серые глаза испепеляли журналистку.

- "Инна Романовна, то, что говорил этот парень..."

- "Валера, - гад! В наше время, Александр Александрович, сложно найти толковых помощников... Этот чёрт мелит всё, что ему в голову взбредёт..."

Любопытина пыталась выкрутиться. Самородкин понимал всю глубину её смущения и сделал вид, будто ей поверил. Он требовательно протянул ей свою открытую ладонь. Она взволновалась и часто задышала. Вздыхалась и опускалась пышная грудь. Затем девушка робко и послушно вложила свою руку в его. Боже, безумно сильно мужчина в этот момент возжелал

схватить милашку и стиснуть в объятиях. Но стоит проявить осторожность... Подобное бестактное поведение может и спугнуть красотку. Сашка справился со своими эмоциями, сказал полушёпотом:

- "Вы очаровательны, Инна Романовна. Я в восторге от вашего общества."

Самородкин подвёл её ручку к губам, нежно поцеловал тоненькие пальчики, галантно поклонился. Парень успел заметить и отметить про себя, что девушке нравится его обходительность. Не сложно. В конце концов он не в деревне, не в сарае, не в трущобах и не на болоте родился, что бы быть быдлом, чей родной язык,- матерный, а любимое занятие,- это чесать яйца в трусах семейниках, в трусах парашютах, да хлестать пиво, лёжа на диване, смотреть по телевизору футбол и драть глотку, возмущаясь, - куда ты бьёшь, ноги кривые?! Кто же так играет?! Александр родился в интеллигентной семье, закончил школу с красным дипломом, учился за границей в дорогом, престижном университете. Нежные губы едва прикасались к коже так, что девушка жмурилась от удовольствия и это не ускользало от внимательных глаз рыжего парня. Застенчива, маленькая, хрупкая.... Восхитительная! Робея, краснея, пряча глаза, шатенка всё же поинтересовалась:

- "А можно... Я зайду.... Повидаться... Повидаться с вами.... В лабораторию?..."

- "Я счастлив и весьма польщён вашим расположением, госпожа Инна Романова. Не могу отказаться от столь великодушного предложения... С нетерпением буду ждать нашей следующей встречи, буду считать дни, когда вы снова наградите меня честью видеть и принимать вас, Инна Романовна. Я распоряжусь и вам достаточно будет назвать только имя что бы охранки вас впустили в любое удобное для вас время."

Любопытна от радости даже подпрыгнула. Чувства накрыли девушку с головой. Самородкин хотел предложить проводить её, но не успел. Поспей за ней, попробуй... Шустрая, юркая журналистка метнулась молнией и тут же убежала. Резвая девчонка! Все расходились по домам. Часы были весьма насыщенными. Девушке ещё эфир готовить к вечерним новостям. Молодой учёный опустил на стул, схватился за голову, перебирая свои рыжие кучеряшки, да простонал:

- "Не верю, что этот день закончился!"

- "Но это так, мой мальчик!..."

Сзади подошёл Игорь Игнатьевич и положил свою шершавую ладонь парню на плечо с размаху.

- "Утомительный был день, Сашка, но оно того стоит... Во имя науки!"

- "Да, да... Как иначе?... Во имя науки..."

- "Уф, я выжат, как лимон. Эти телевизионщики, да журналисты, пострашнее саранчи. Настоящие кровопийцы! Я устал... По настоящему устал! Пора бы и честь знать... А завтра готовься, мой мальчик!... Мы будем пожимать плоды наших трудов, мы будем пожимать лавры."

- "Что ж увидим... Дожить бы..."

- "Не куда не денемся!"

- "Идём те, Игорь Игнатьевич, я подвезу вас."

Александр снял с себя халат, водрузив его на вешалку, как тяжёлую ношу. Его примеру последовал старый коллега.

Глава 3. Орден "Чёрный клевер".

Тёмный, мрачный коридор. С головы до ног сокрытая фигура алым одеянием с капюшоном шустро шла вдоль коридора. На спине чёрными, шелковыми нитками вышит четырёхлистник. Капюшон лицо скрывает не совсем полностью... Но отбрасывает большую, тёмную тень. Из под красной ткани виден конец длинной, белокурой чёлки с оттенком пшеницы, подбородок и губы, искажённые злой улыбкой. От быстроты полы одежд задирались, демонстрируя сапоги из змеиной кожи. На сапогах вышиты ножны. Выглядывали рукоятки кривых кинжалов, словно змеиное жало. Фигура в алом прорисовывалась женская. Женщина двигалась уверенно, без единой крупницы сомнения и казалось, что она, будто нож масло, прорезает темноту, желая, что бы тьма перед ней расступилась. Коблуки дотигли ступенек, да устремились вниз по лестнице. И не было проглядно, пока двдали не блеснул островок света... Открытая дверь.

Из пяти открытых дверей вышло пять человек в алых мантиях, скрывающие лица под капюшонами. Они стояли на возвышенности. Перед пятёркой распростёрся просторный, круглый, светлый зал. На трибунах сидели люди в точно таких же мантиях, только без чёрной вышивки на спине. Клевер у остальных изображался на рукавах. Огромное количество людей, как видно, это агенты тёмного ордена. Больше половины массы были учёными. Женщина с блондинистой чёлкой расположилась по центру, справа от неё стоял мужчина, широко расставив ноги и сунув руки в карманы. Возле него большая тучная форма, мантия на котором едва застёгивалась. Складки жира проглядывали из под красной ткани, да обрывки одежды. Виден жирный подбородок и улыбка мясистых губ. Это был скорее всего мужчина, не большого роста, ниже того типа, рядом с которым находился. Свои огромные пальцы в дорогих перстнях жирдяй сложил себе на пузо, а из постоянно жующего рта выглядывал хвост сосиски. Толстяк ел. По левую руку от блондинки стоял высокий, плечистый мужчина с бородкой. Сверкнул кровавым блеском массивный рубин, - золотое кольцо... Высокий мужчина слегка поправил капюшон. Высокая, длинноногая женская особь была с краю в нескольких метрах от него. Слева женщина, справа женщина. Высокая вообще не улыбалась. Гордо задрала голову, взирая сверху вниз и демонстрируя свой тонкий острый подбородок. Затем это женщина достала из кармана трубку поковыряла заранее подготовленный в трубке табак изящным маникюрным ногтем, после подожгла спичкой и медленно, да с чувством начала курить, наслаждаясь ароматом дыма. А трубка, - вещь дорогая, роскошная, из платины и белого золота, сверху окольцована изумрудами, снизу, - брильянтами, вдоль тонкой рукоятки изображалась змея. Эти пятеро кого то ждали, как и все присутствующие в зале. Толпы с нетерпением ждали Её появления... Отворяясь, заскрипели тяжёлые ворота. Люди замерли, потом услышали... Стук тонких, высоких каблучков доносился из глубины и нарастал. В ту сторону устремились все взгляды. Вот, - момент истины! Гостья появилась. Она вынырнула на свет, женщина, чьи локоны цвета вороньего пера, убраны в высокий хвост с боку. Резинку для волос украшала роза. Так же в виде розочек сверкали серёжки. Этот цветок украшал и грудь, и щиколотки на ногах. Длинные ножки от ушей, в туфлях на высоком каблуке покрывали чёрные сетчатые чулки. За плечами колыхался изумрудный полу плащ. Тёмно-бордовый низ наряда сделан лепестками и напоминал перевернутую розу. В костюме преобладали оттенки зелёного, да от винного до чёрно-красного. На поясе из-за спины выглядывали рукоятки двух коротких, парных мечей. К одному из лепестков своеобразной юбки крепился кнут. Под лепестками спрятанные от глаз, скрывались крохотные револьверы. Лицо укрыто белой, театральной макой.

- "Роза Баккара!", - эффектно и с восторгом провозгласила блондинка в центре из пятёрки людей, стоящих на возвышенности. Толстяк уже успел дожевать и проглотить свою сосиску. Брюнетка подняла лик, вс вызовом воззрилась на вверх... На платформе стояли пять глав тай-

ного, тёмного ордена «Чёрный клевер». Люди вокруг с интересом разглядывали гостью. Женщина, в силу привычки своей профессии, прикидывала сколько она убьёт сразу, если вдруг что-то пойдёт в разрез с её планами, с кого начнёт, как и каким оружием из своего арсенала будет убивать. Мысленно кровавый цветок уже примерно раза три покрошил «Чёрный клевер» в капусту...

Имя Роза Баккара пробрело крылья, стало легендарным в криминальных кругах, сфер общества. Не чистые на руку люди не единожды пользовались услугами наёмной убийцы. Профессиональный курьер смерти работал чётко, не оставляя следов после себя. Не многим несчастным удавалось даже лицезреть легенду в деле, но они всегда держали язык за зубами, трепетали в страхе... Да и что они могли рассказать?... Роза Баккара не настоящее её имя. Она появлялась, как призрак, несла разрушение, да так же быстро исчезала в сумраке теней. Многие даже сомневались в её человеческом происхождении и для всякой богатой мрази в приступном мире сокрушительный цветок был незаменим. В итоге Роза Баккара стала самой известной и самой опасной из наёмников. А инкогнито столь изящного растения знал лишь один единственный человек во всём мире, да некогда не распространялся об этом.

- "Итак, к делу!", - сказал мужчина справа от блондинки. Этот не отличался терпеливостью. Он достал из кармана фотографию и бросил к ногам убийцы, - "Твоя цена?!"

Девушка подняла с пола фотографию и взгляделась. На фото изображалось лицо старого деда с горящими безумным азартом голубыми глазами. На обратной стороне подписано, - Аллилуйкин Игорь Игнатьевич. Все таки дошло до этого, - пробежала мысль в черноволосой голове.

- "Я так понимаю, вам нужна не только жизнь старика... Но и его изобретение... За голову, - миллион, за величайшее открытие во всём мире, - три. В общей сумме, - четыре."

- "Не фигу себе! Это безумие! Четыре лимона за то, что бы пришить полудохлого старикашку", - возмутился кто-то из общей аудитории.

И кто же это такой дерзкий, который осмелился подать голос, когда все вокруг притихли и лишний раз даже пукнуть не смеют? Это был русский парень, по видимому, - новенький среди агентов «Чёрного клевера». На нём была красно-рыжая толстовка с капюшоном. Правый, чёрный глаз сокрыт под чёлкой, в левом глазу, казалось, догорает уголь, джогтеры, кроссовки. Свою алую мантию, мантию члена тайного ордена он с себя сорвал, что бы показаться во всей своей красе. Сергей до глубины души не любил таких вот жадных, расфуфыренных сучек. Парень не видел перед собой опасный боевик, он видел красотку, длинноногую, фигуристую кралю. И это его главная ошибка... Черноглазый не мог понять, что в ней такого... Ну баба и баба... Парень не должен был по идеи вообще высываться, но от одного её надменного, разодетого вида разозлился и не смог устоять. Белая маска медленно повернулась к Сергею. Молнии метнули сквозь прорези карие глаза. В голове наёмницы пронеслись мысли, - что это, кто это? Паяц? На столько же смелый, на сколько тупой... Иные сидят, закрыв хлебoreзки, да помалкивают в моём присутствии. Что само по себе, - умно... А этот, ну надо же... Рот открыл. Придурок! Так ведь можно себе и смертный приговор подписать. Никто не даст, идиот, за твою дерьмовую жизнь и ломаного гроша. Захочу и ты развалишься в моих руках, как тряпичная кукла. слово мне никто не скажет. За чем провоцируешь?... Не уж то сам этого не понимаешь? По внешности судишь, что ли? Придётся преподать тебе урок, debil... Вдохнув и прикрыв на секунду глаза, брюнетка сказала в ответ:

- "Пять миллионов. «Чёрному клеверу» дорого обойдутся не только старикашка и его формула, но и твоя дерзость... Но если вы больше не нуждаетесь в моих услугах, то и говорить не о чём..."

Она театрально развела руками и развернулась на длинных каблуках. Заиграл складками изумрудный полуплац. Прошелестели бордовые лепестки юбки. Роза Баккара вовсе не собиралась уходить, а только сделала видимость... Людям, алчущим мирового господства, эта фор-

мула нужна позарез и убийца это прекрасно понимает и знает на каких струнах играть. Брюнетка думает, что чётко угадает реакцию пятёрки главарей. И угадает...

Миролюбов Сергей Иванович недавно стал членом тёмного ордена. О знаменитой наёмной убийце был наслышан, но всегда думал, что слухи о легендарной Розе Баккаре, это всего лишь слухи. Поэтому кровавый цветок он не воспринимал в серьёз и не мог признать в ней безжалостного палача. Вот только... Это его главная ошибка в жизни... Главы ордена убийцу знали и боялись, понимая на что способен представитель фауны. То, что вытворял их агент бесило и напрягало всю пятёрку. Один из лидеров про себя подумал, - пацан! Вздорный мальчишка! От куда ты взялся на наши головы? Захлопни варежку, выродок! Ублюдок! Сукин сын! Жирный глава, стоящий рядом с тем, кто так гневно думал, закричал:

- "Стой! Умоляю, послушай! Сопливый птенец, - новичок нашего ордена. Прости ему его грубость. Он же, просто дурак... Хам,, имбецил... Не слушай..."

- "За грубость этого дурака «Чёрный клевер» раскошелиться!"

- "Серый, твои заморочки нам дорого обходятся!",- рявкнул тот из главных, кто злился больше всех.

- "Какая жадная сука!",- Миролюбов шёл напролом не чего не боясь. Лидер взревел от того, его подчинённый не удосужился его услышать:

- "Ты роешь себе могилу, ублюдок!"

- "Семь миллионов!"

- "Скажите, пожалуйста... Многоуважаемая Роза Баккара и куда вам столько денег? Роза не треснет?", - черноглазый не унимался, продолжая весь это фарс.

- "Нет. Не треснет. Я привыкла себе не в чём не отказывать, жить на широкую ногу... Яхты, машины, Венеция, Париж, Италия, Дольче Габбана, Коко Шанель, сам понимаешь... Вот и думай, что я за женщина. А пока ты напрягаешь свои ничтожно крохотные извилины, я за твой не в меру длинный язык возьму ещё... Скажем... Не семь миллионов, а восемь..."

- "Хватит, надоело!", - закричала высокая женщина с платформы, курящая трубку, выдохнув дым кольцами, - "Миролюбов Сергей Иванович не смейте продолжать! А что касается денег... Плевать! Для «Чёрного клевера» деньги не проблема. Хоть все десять! Только убей его! Уничтожь всю информацию об изобретении профессора Аллилуйкина и принеси нам формулу!"

- "В дальнейшем слова излишне...", - отозвалась брюнетка, - "Не беспокойтесь, не подведу. Сделаю свою работу в лучшем виде, как и всегда..."

- "Как и всегда, всё верно...", - согласился плечистый мужчина, стоящий рядом с курящей женщиной, - "Ты надёжный партнёр, Роза Баккара."

- "Я не когда не ошибаюсь."

- "Согласен и твои услуги неоценимы..."

- "Значит договорились?..."

- "Да."

Пора и честь знать. Гадюшник. Кругом змеи. Не оставаться же ради того, что бы конфликтовать с глупцом... Везунчик! Он ещё легко отделался, пусть скажет спасибо мне за это... А у меня других забот полно, кроме того, как тратить на него своё время...,- подумала Роза Баккара. Миролюбов вспылал к убийце ненавистью. Дрянь! Да как ты смеешь, сучка, выставить меня в таком свете?! Ну держись! Врёшь, не уйдёшь! Сейчас ты своё получишь!,- подумал Иванович. Парень выбежал в центр зала на встречу убийце. Черноглазый перегородил ей путь. Затем сделал такое!... Он устремил ногу резко, намереваясь заехать женщине в лицо с вертушки. Не вышло... Роза Баккара с быстротой молнии пригнулась, да с разворота метко врезала острой шпилькой по яйцам. Бедняга взвыл, прочувствовав всю полноту агонии боли, да отлетел на пару метров. Блондинка наверху по центру звонко в голос засмеялась, аж до слёз, которые пришлось вытереть алым рукавом. А просмеявшись заявила:

- "Так и надо, идиоту!"

Боль адская.. Серёга не в силах подняться. Пятёрка аплодирует.. Аплодирует и весь «Чёрный клевер». Роза Баккара, холодно прошествовав мимо забияки, ушла под шум оваций. Миролюбов Сергей Иванович униженно стонал, валяясь на полу, да держась руками за то место, по которому девица нанесла оскорбление. На тот момент парень и не догадывался о том, что это всего на всего крохотная часть... Ничтожный фрагмент демонстрации способностей Розы Баккары. Ему ещё только предстоит это узнать... Собрание на этой ноте закончилось и люди расходились. Пять фигур на высокой платформе скользнули, словно тени. Красные одежды глав «Чёрного клевера» углубились в сумрак открытых дверей и растворились во мраке. Серый, преодолевая боль в области промежности, кое-как всё же поднялся. Стояло только ощущениям поутихнуть, как в кармане джоггеров зазвучал мобильный. Серёжа ответил на звонок. На другом конце пробасил властный голос высокого плечистого мужчины, одного из лидеров тёмного ордена:

- "Миролюбов Сергей Иванович немедленно поднимитесь в кабинет!"

Неприятности не закончились и жопой чувствовал черноглазый, что они только начинаются. А что делать? Не стоит заставлять этих мрачных личностей долго себя ждать. Назвался груздем, полезай в кузов. Придётся стерпеть ещё унижения, но вовсе не ради тёмного ордена «Чёрный клевер»... Миролюбов не так прост, правда стоило бы поучиться дурню держать свои эмоции под контролем. Парень является не только агентом этих злых людей... Но никто об этом не знает... Существует другой тайный орден... Слава богу, люди об этом ни слухом, ни духом... Серёга двойной тайный агент. И сейчас нашему Джеймсу Бонду, так выразиться, попадёт по первое число не по детски...

Кабинет. Серёжа опустил ручку двери, намериваясь войти и его ждал весьма неприятный сюрприз... Твёрдая рука с цепкими пальцами схватила Ивановича за горло, не успел тот переступить порог. Резким рывком сильная рука русого прижала к стене. Это был один из пятёрки, только уже без мантии. Все главари «Чёрного клевера» находились в кабинете, успевшие снять алые одежды. Широко расставив ноги, на Миролюбова смотрел Могила Влад Станиславович и взгляд его тёмно-карих глаз был мало приятным, пронзительным, предупреждающим, угрожающим. В общем, нечего хорошего Серому от Влада ждать не стоит. Хорошо же ты меня припечатал, урод!, - про себя думал Миролюбов, бесстрашно встретил взгляд Могила. У душителя были тёмные, шоколадные волосы, бардовая кофта заправленная спереди и тёмно-фиолетовые брюки. Мужчина злился, просто негодовал. Ледяным тоном Влад осведомился:

- "Сдурел, сопляк?!"

Серый зарычал тому в лицо, почувствовал, как сильная рука приподнимает его над полом.

- "Без резких движений, пожалуйста... Господа, давайте успокоимся.", - в мольбе простонал Жабожадин Евгений Борисович, тот самый толстяк, что недавно на собрании жрал сосиску. Жень, тучный маленький и лысый мужчина средних лет, в дорогих кольцах и в полосатом пиджаке. Нет, он вполне большой мальчик, но не в высоту, а в ширь.

- "Заткнись, жирдяй! Могила прав!", - взревела Белокрылая Ангелина Васильевна, -та самая блондинка с чёлкой, что стояла на платформе по центру. Её густейшая, пышная шёлковая шевелюра роскошна, - загляденье...

- "Позвольте, Ангелина Васильевна...", - хотел было возмутиться бочкообразный, как злючка-истеричка, выхватив кривой кинжал из ножен на сапоге, его перебила:

- "Не позволю!", - холодные мурашки поползли по спине, Жень так и замер в ужасе от происходящего, - "Сядь, жиртрест! Не вынуждай меня! Это такое удовольствие, - вспарывать брюхо, выпускать кишки наружу... А судя по размерам вашего бурдюка, Евгений Борисович, удовольствие меня ждёт не малое..."

Жабожадин послушно сел и больше рта не раскрывал. Миролюбов высвободился, ловко оттолкнувшись от стены и ударив Влада ногами.

- "Щенок!", - оскалил зубы шатен, подрываясь с пола и сжимая кулаки.

- "Я,- агент!", - возразил Сергей.

Прошное Белокрылой Ангелины таилось за красивыми, хрупкими, женственными плечами. У неё неуравновешенный, эгоистичный характер и насквозь гнилая душа, чернее, чем у Дьявола. Лидеры тайного злого ордена не так часто собираются вместе, но делают это только по делу. Исключительно по делу! А по этому и не успели толком притерпеться друг к другу. Высокая женщина в молочном брючном костюме, салатовой топе на бретельках, с аккуратной стрижкой ореховых волос взидала на ситуацию с ледяным спокойствием, курила трубку, сидя прямо на письменном столе. Застыла на лбу прямая чёлка. Острый подбородок, овальные очки дополняли образ. Чернолукоморкина Татьяна Юрьевна чем то походила на строгую учительницу. Могила Влад уже было кинулся на Миролюбова Сергея с кулаками, как рука, опустившаяся на плечо, остановила его. За спиной Станиславовича стоял Хотин Константин Максимович, высокий плечистый мужчина. Волосы Кости с седой позолотой зализаны в каре, передняя лобовая часть выпирает, зелёные глаза глубоко посажены, в ушах серьги, на подбородке золотистая борода. Костюм с пиджаком и изящные туфли изумрудного цвета. Чёрная водолазка. Изумруды украшают обувь и брошь,- галстук,- бабочку.

- "Серый, ты хоть знаешь, кто она?", - спросил Хотин, - "Имеешь ли малейшее представление о ней, несчастный?"

- "Кто она?! Разодетая, охуевшая бабёнка, вот кто!", - зло выпалил Иванович, вспомнив, как она врезала ему и выставила на посмеище.

- "Я сейчас из тебя бабёнку сделаю!", - в ответ гневно взревел Станиславович.

Ангелина в голос засмеялась. Таня удивилась, икнула и замерла. Лицо шатенки приобрело оттенок мрамора... Женя потупил взгляд, опустил голову, но вмешиваться не смел. Константин сказал:

- "Она, - Роза Баккара!"

- "И что?..."

- "Роза Баккара, - это не просто имя... Она не какая ни будь там женщина... Её имя вселяет неопишуемый ужас в сердцах людей. Шипы красивого цветка сделаны из железа и насквозь пропахли ароматом крови и пламени. Мы пользуемся её услугами на протяжении долгих лет... Она наёмница, не член нашего ордена... У нас нет власти над безжалостной розой... Не суди о книге по обложке. Мы сами её боимся."

- "Неужели?"

- "Роза Баккара очень опасна. Это самый опасный боевик в криминальном мире. Цветок знает каждого из нас лично... Эта личность, не Белокрылая Ангелина Васильевна...", - блондинка хищно улыбнулась жемчужными зубками, стрельнув золотом в глаза, - "Ты не знаешь, на что она способна... С Гелей можно совладать... А вот, победить её... И десяти мужчин не хватит... Однажды, я видел, как дерётся кровавый цветок, казалось будто бездушный демон в неё вселился... Уф... Пробирает до мурашек..."

- "Значит, боитесь? Так у вас есть деньги! Деньги и власть!"

- "Ты, я смотрю, не чего не боишься! Бесстрашный выродок!", - крикнул Влад Могила.

- "Я не боюсь!", - заявила Белокрылая, - "Я вооружена... Всегда вооружена... При мне всегда мои ножи, а эти придурки вообще не имеют при себе оружия."

- "Как и сказал, Серый, моё оружие,- деньги.", - заметил Костя, после чего тяжело вздохнул, - "Да только, что все эти деньги?..."

- "Дело в том,...", - слово взяла Чернолукоморкина, - "...что мы не знаем, кто скрывается под маской Розы Баккары... А если бы знали, посадили был чёртов цветок на цепь и убивала бы она только в интересах «Чёрного клевера»."

- "Во имя «Чёрного клевера» и я могу постараться..."

- "Ты?..."

- "Я ведь ваш агент, так? Хочу быть добровольцем, хочу попробовать раскрыть её инкогнито... Там более, что сегодня я познакомился с этой стервой поближе..."

- "Хм... Добровольцем говоришь... Какой же ты безмозглый, Миролюбов... Она прикончит тебя!"

- "Вам то что? Вы от этого не чего не потеряете."

Пятеро, в миг остыв, переглянулись. А действительно, что они теряют? Парень сам вызвался залезть крокодилу в пасть... Так за чем же его останавливать? Его безумие не их ума дело. Если пацан каким то чудом сумеет раскрыть истинную личину кровавого убийцы, «Чёрный клевер» только выиграет. Чего тут думать? Влад Станиславович спокойно и расслабленно выпрямился, заложил руки в карманы и сказал:

- "Хорошо... Приоткрой для нас маску Розы Баккары. Сумеешь провернуть такое, останешься жив и даже вознаграждён. Провалишь задание и я лично зарю тебя в могилу, сопляк, не будь я,- Влад Могила! Ну?!"

- "Баранки гну! Не пугай меня, не выйдет! Я на всё согласен!"

- "Дураки все смелые... Жалко только, что дураки долго не живут... Свободен, Сергей Иванович! Дальнейшие инструкции получишь позже..."

Сергей ещё немного посверлил обидчика глазами. Бесстрашие светилось в омуте чёрных глаз. Только бесстрашие не броня и защитить в случае чего не сможет. Нехотя Иванович подчинился главам «Чёрного клевера». Русский покинул кабинет, прикрыв за собой дверь.

Глава 4. Последний вздох старца.

Ранее, ранее утро. Александр спал. Его рыжие волосы огненным шлейфом распростёрлись по подушке. Белая пижама в голубую полосочку. Половина торса и нога выглядывали из под лилового одеяла. Довольно здоровенный котяра, размером с маленькую рысь, породы майн кун свернулся калачиком под рукой, под мышкой Самородкина и умудрился занять половину большой кровати. Зверь был цвета кучеряшек хозяина. Питомец мурлыкнул и сладко потянулся, пытаясь вытолкнуть Сашку на край. Как будто говорил, - твой господин хочет больше места, спи в ногах человек. Вернее в лапах. Будильник в виде петуха стоял рядом, на тумбочке. Тикая, стрелка ритмично продолжала умеренный бег вперёд. Приближался пятый час. Александр Александрович давно живёт самостоятельно и без родителей. У него просторная квартира с новой мебелью. Толщенной с мужскую ладонь вдоль стены в спальне в форме длинной трубы установлен ночник. Он играл тусклым светом в полумраке, плавно перетекая из красного в синий, из синего в зелёный. Напротив кровати стоял широкий, высокий двухэтажный шкаф. Внутри шкафа на двери располагалось большое зеркало. Над головой, над кроватью из окна бил лунный свет. По прозрачным стёклам колыхалась вуалью тоненькая синяя занавеска, усыпанная стразами. Старзы изображали звёзды и созвездия. Парень любил космос и астрономию. Даже телескоп прятал в шкафу. Самородкину вставать было нужно через два часа, не раньше. Однако поспать этим утром ему не удалось... Безудержный трезвон разбудил парня прямо сейчас и это был не будильник. Внезапно взбесился мобильный телефон. Кот заорал, как шальной, резко подпрыгнул и пулей соскочила с лилового постельного белья. Казалось, будто майн кун выругался, промяукав, - какого чёрта?! Что за мать его?! Кровать сработала, как пружина... Сашку подбросило в воздух по инерции, затем он резко полетел на пол, взревев в сторону кота, чей рыжий хвост уже успел скрыться за дверью:

- "Игорь Игнатьевич!"

Повезло Александру, башка его чудом пролетела мимо края тумбочки. Зато рука его задела петуха-часы и круглые очки. Батарейки выскочили из будильника и разлетелись в разные стороны. Мигом рыская по полу рукой, кучерявый нашёл свои окуляры, надел их, избавляясь от остатков сна и судорожно соображая, что происходит... Телефон не унимался, стал ещё яростней, разрываясь в своём трезвоне. По спине мужчины побежали ледяные мурашки, предвещая беду... Александр поспешил найти трубку. Сердце его колотилось в нехорошем предчувствии. Облизав внезапно пересохшие губы, Сашка нажал на кнопку и услышал знакомый мёртвый голос... Внутри всё оборвалось...

- "Два Ал."

- "Мария Алексеевна..."

- "Сегодня..."

- "Что, - сегодня?..."

- "Выходной возьми сегодня... Я всех перережу, от первого до последнего... И ещё...", - Самородкин нервно сглотнул, - "Лучше тебе сказать мне код от сейфа, в котором вы прячете формулу, если конечно ты не хочешь, что бы я спрашивала о нём у Игоря Игнатьевича... Стоны, муки, крики, всаживание грязных игл под костяшки пальцев, вырывание зубов вместе с дёснами на живую, дробь костных тканей в крошево, вырывание глазного яблока и прочие прелести по развязыванию языка..."

- "Хватит, Мария Алексеевна! Я всё понял. Четырнадцать, ноль, семь, тысяча девятьсот восемьдесят семь.. Это дата рождения его никчёмного сына алкаша."

- "Хорошо..."

- "Но скажите, Мария Алексеевна, от куда вы знаете по сейф?..."

- "А, про сейф?...",- тёмные глаза в обрамлении ресниц скользнули по догорающим в пламени телам... Женщина снова плеснула в костёр бензин, который принесла с собой. Леденящий душу страх комом подкатил к горлу Самородкина, пробил озноб и затряслись руки. Парень кое как сдерживал дрожь... Он только сейчас понял, что слышит треск, шипение и шум пламени на фоне её голоса. Она стояла на погосте в совершенно безлюдном месте в своём потрёпанном серо-голубом платье в пол, - "Я похитила ваших охранников... Сегодня ночью... Два Ал... Да не тех, кто заступил на службу прошлым вечером... А тех, -сменщиков, у них сегодня должны были начаться выходные... Увы, Два Ал, придётся поискать новых сотрудников... Эти слишком слабы и наивны... Были... Про код к сожалению не чего не знают... Молили пощадить, говорили, что код знают лишь учёные..."

- "Я понял."

- "Два Ал, скопируй всю инфу, которая есть в базе данных. Забери из лаборатории всё, что тебе необходимо для работы... Я взорву здание к чертям."

- "Подождите минуточку, Мария Алексеевна... Мы так не договаривались... Где я буду проводить опыты, исследования, да и вообще?..."

- "Уничтожить необходимо всё, под чистую... Люди должны забыть о том, что говорили в новостях и писали в газетах, потеряв открытие величайшего учёного современности, вместе с самим гением.. Сам понимаешь это, Два Ал... Так будет лучше... А что касается лаборатории... Восстановишь с нуля. О деньгах не волнуйся. Два миллиона, как договаривались и ещё сверху. Хватит на постройку нового здания с лихвой."

- "Убийцам так много платят?..."

- "Мне,- да. Кровавые деньги... В иных кругах человеческую жизнь ценят дороже золота. Тем более, когда речь заходит о «Чёрном клевере»... Не теряй же время, Два Ал. Я медлить не буду..."

Цветкова отключилась. Самородкин сел на кровать, бледный как тень. Его все ещё трясло. Прибывая в лёгком потрясении, парень застонал, схватился за голову руками. Из-за двери высунулась рыжая мордашка. Уставившись на хозяина. кот майн кун, будто бы спросил, - эй, человек, с тобой всё в порядке? Но усатому, хвостатому и полосатому никто не ответил. Тогда животное, решив пожалеть своего роба, подошло поближе и начало тереться об ноги. Сашка наконец расслабился и немного успокоился. Затем погладил своего любимца, истерично посмеиваясь и ласково шепча ему, будто кот способен понять, что он говорит:

- "Похоже, Два И, я продал душу Дьяволу..."

У питомца молодого учёного было два имени. Он назвал майн куна в честь старого коллеги. Умный кот отзывался, когда его звал парень Игорем Игнатьевичем и когда хозяин звал его Два И. Что бы Сашка делал без рыжего, ласкового любимца? Но времени расслаиваться нет. Александр Александрович резко подорвался. Игорь Игнатьевич мяукать стал громче и требовательно. Ведь в миске у котикамышь повесилась. Неугомонный пушистый даже попытался задеть бегущую ногу хозяина когтистой лапой, как бы говоря, - корми своего господина, человек! Тот резко обернулся, да устало ответил коту:

- "Да, да, Игорь Игнатьевич... Знаю, знаю... Даже если весь мир треснет пополам, полетит в бездну, это не изменит того факта, что вы хотите есть..."

Коту, что можно объяснить? Ничего и обижаться или злиться за это на питомца просто глупо, а корм сыпануть в миску, дело секундное. Два Ал разобрался с Два И... Мгновенно парень сорвал с себя пижаму, оставшись в синих домашних тапочках и трусах боксёрках. Трусы потом тоже снял, успев при этом и постельное бельё сорвать, да из шкафа прихватить с собой белые носки, боксёрки, рубашку и голубые джинсы. Все ночное тряпье мигом полетело в корзину для грязного белья. Александр залез под душ буквально на две минутки, не столько ради чистоты, а ради того, что бы ледяная вода помогла парню окончательно прийти в себя. Его машина находилась возле дома во дворе. Оделся Александрович слёту на ходу, со

скоростью ракеты. Самородкин умел двигаться очень быстро, когда это было нужно. Пулей Сашка вылетел из своей квартиры, всадив ноги в туфли, схватив осенний плащ и перекинув сумку через плечо. Хлопнув дверью автомобиля, рыжий, кучерявый судорожно соображал, охранники знают меня в лицо и лишних вопросов задавать не будут, рта не раскрывают, если не спросить на прямую, а кто их будет спрашивать, за чем я приезжал в лабораторию раньше, чем начинались рабочие будни, если никто кроме охранников об этом знать не будет. А вечером охрана вместе со зданием взлетят на воздух... На полной скорости на своей Ладе Равен я так же быстро доеду, как и уеду... Всегда любил спортивные автомобили... Рыжий, очкастый ботаник с веснушчатым лицом, как бы это не звучало удивительно, - превосходный водитель.

Карта-ключ открыла двери. Самородкин вошёл в лабораторию. Действовать нужно быстро. Он собрал в сумку все записи по созданию формулы и все необходимые вещества, ингредиенты, необходимые для создания формулы. Затем светило науки включил компьютер, запустил диск, на который скопировал всю базу данных о последних достижениях и разработках за несколько лет. Спрятал диск в сумку и поспешил удалиться.

Цветкова Мария Алексеевна села за руль своего старенького, потрёпанного жизнью пикапа. Форд серии сто, тысяча девятисот пятидесяти второго года, который когда то принадлежал её отцу, ещё в светлые и радостные времена... Грязно жёлтая краска кое-где, местами была потёрта и облуплена, проглядывали борозды ржавчины. Вид у агрегата жалкий... Кусак металлолома! Однако, машина хоть и дышала на ладан, но всё ещё пахла. Под сиденьем старой рухляди есть потайное отделение для вещей. Канистру с бензином женщина спрятал туда. Так же там хранились инструменты для пыток, заточенные до зеркального блеска и тщательно вымытые с хлоркой, завернутые в специальный кожаный конверт, резиновые перчатки, банка хлорки и прозрачный пакет с костюмом Розы Баккары. Кряхтящий, едва живой пикап вскоре покинул Богом забытый погост. И лишь чёрные леса смотрели пыхтящей машине в след.

Александр, вернувшись домой, первым делом схватился за мобильный телефон, судорожно набирая цифры. Кот путался под ногами, требуя внимания. Хотелось Игорю Игнатьевичу уже царапнуть нахального раба, не обращающего на своего господина никакого внимания, как тот толкнул животное ногой и резко рявкнул:

- "Два И, не до тебя сейчас!"

Что это с ним?,- нагнувшись и поджав уши, про себя подумал майн кун, - неблагодарный человек. Я позволяю себя кормить, поить, грею постель, соизволяю гладить, а он ещё и недоволен... Обиженно мяукнув, кот отвернулся от хозяина, а за тем и вовсе оставил его на время одного. Мол, покапризничает человек, потом передумает, кот же такой клёвый, просто ослепительный, само совершенство, не то, что это двуногое... У него и шёлковой шерсти то не много и даже нет хвоста... А про божественные подушечки на лапках и как восхитительно такие потрогать, кот вообще молчал...

Самородкин облокотился о высокий, серого цвета, продолговатый кухонный стол, напоминающий барную стойку. Сердце бешено колотилось. Парень умирал от волнения. Наконец он услышал голос Аллилуйкина и в груди всё сжалось в тугую комок...

- "Сашка, мальчик мой!... Что-то случилось?... Такая рань?... Я хотел ещё полчаса понежиться в постели..."

Ничего, дед, скоро выспишься...,- промелькнула мысль в голове у парня, а в глазах заблестели слёзы. Рыжий часто заморгал, жуя губы. По щекам побежали прозрачные струйки.

- "Игорь Игнатьевич...", - наконец выдавил из себя молодой учёный.

- "В чём дело, мой мальчик?...", - забеспокоился старик, окончательно проснувшись. Голос наставника обжигал душу и всё же... Сашка сгрёб со стола салфетку, (у него на столе всегда были салфетки), высморкался и притворно закашлял, произнеся слабым измученным голосом:

- "Простите, Игорь Игнатьевич, но сегодня я себя что-то не важно чувствую..."

- "Оооо... Я понимаю... Как не вовремя ты заболел..."

- "Мне бы в постели сегодня отлежаться..."

- "Конечно, конечно... Отлѣживайся... Не беспокойся об этом, мой мальчик... Мой,...
...Сын."

Услышав то, как его назвал Аллилуйкин, Самородкин не выдержал и заплакал, вытирая сопли рукавом рубашки. Плечи сотрясались, перед глазами всё поплыло. Да что ты несёшь, дряхлый болван, у тебя же есть сын и это не я... Не Я!,- подумал Александр. Однако даже в такую минуту рыжий помнил о своей ненависти к «Чёрному клеверу». Бледным, убитым голосом, не разборчиво и не фига не слышно промямлил парень:

- "Прощайте, Игорь Игнатьевич, я всегда буду помнить о вас..."

Старший брат по науке его не понял, как и вообще последних слов не разобрал, но спросить не успел, парень отключился. Медленно Сашка сполз на пол, затем, поддавшись резкому скачку эмоций, со всей дури швырнул телефон об стену. Мобильный с грохотом разлетелся на куски. Кучерявый схватился за голову. Его пальцы утонули в густых, непокорных, огненных завитушках. Боль ножом пронзила сердце, разрывая душу в клочья. Александр Александрович вдруг резко соскочил и побежал в ванну за корвалолом... Там хранилась аптечка.

Мотор немного успокоился... Жизнь,- пекло... Так и посидеть раньше времени можно... Придя от пережитого в себя, Александр спрятал диск и всё, что надыбал в лаборатории в укромном месте. В гостиной, над диваном, в стене за копией картины Джоконда художника Леонардо да Винчи находился сейф. После этого, рубашку, изгвазданную соплями, парень передел на белую футболку, выпил сто и её сто грамм коньяка, да занялся делами. Осколки телефона он собрал, предварительно вытащив от туда сим-карту. Вытащил и своё барахло из корзины для грязного белья, засунул в стиральную машинку, включил её и принялся стелить чистое постельное бельё изумрудного цвета. Заправил сверху пледом, приготовил свежую, чистую пижаму салатного цвета в белый, синий и красный треугольник. Следующие дело, это пылесосить и агрегат для этого послушно ждёт опрятного хозяина в шкафу. Приближался полдень. Сашка достал из холодильника и поставил в микроволновку пару бутербродов с сыром и колбасой. Пока сэндвичи грелись, парень сворил себе кофе. Затем уселся за кухонный стол и принялся жевать. Мысли путались и давили на рыжую голову неподъёмным грузом. Нет, переживания не куда не делись, просто над ими возобладал ледяной контроль. А пока Самородкин плавал в раздумьях, его кот внезапно запрыгнул мужчине на колени. Молодой учёный дрогнул от неожиданности, пролив кофе на стол.

- "Ну, Два И!",- простонал парень, намериваясь сбросить нахальное животное с колен. Котьяра предупреждающе куснул руку хозяина, на своём кошачьем промурлыкал какое-то ругательство, обернулся и таким грозным взглядом посмотрел на Александровича, будто говорил, - только посмей, жалкий человек, скинуть своего господина, ты пожалеешь об этом. Сашка тяжело вздохнул, почесав питомцу подбородок. Два И одобрительно заурчал, - так то лучше, человек. Потянувшись за салфеткой, парень принялся вытирать пятно, сказав своему хвостатому другу:

- "Вы же знаете, Игорь Игнатьевич... Я люблю порядок в доме.."

Кот довольно растянулся на коленях.

Девять ноль, ноль утра того же дня. Лаборатория. Возле здания собирались учёные. Ключ-карта мелькнула в белой руке и открыла врата. Роза Баккара скрывалась за вывеской. Люди заходили. Используя кнут, брюнетка повисла на нём, раскачиваясь, как паук на паутине. Кувырок в воздухе и цветок плавно приземлился на дверной проём внутри здания. Наёмница ждала, когда все зайдут и вход закроется. Затворились массивные, тяжёлые двери. При помощи кнута и ловкого движения запястьем, Роза Баккара зашвырнула включённый прибор для блокировки звука извне. Гаджет прикрепился к потолку лаборатории. Вот и настало для этого время... Время для Убийства! Убийца спрыгнула вниз, её увидели... Взгляд под белой маской

упёрся в будущие трупы... Что за карнавал?... Кто эта девчонка?... Один из светочей ума возмущенно заметил, подбегая к женщине.

- "Э... Уважаемая!... Посторонним вход запрещён!"

Острое лезвие короткого меча по рукоятку вошло несчастному в живот и вынырнула из спины. Учёный харкнул кровью и повис безвольной куклой. Никто не успел даже заметить, как и когда женщина успела выхватить из ножен свои мечи. Кровь хлестала, заливая полы. Шок! Мешок костей, мяса и ливера соскользнул с окровавленного лезвия. Роза Баккара крутанула мечи, встала в позицию и произнесла безжизненным, мёртвым голосом, твёрдым, спокойным, безразличным:

- "Я покажу вам технику,- Танец теней."

Женщина внушала страх, но она была одна, а мужчин много. Окружив ряженную, они набросились со всех сторон, надеясь с ней совладать. Бежать всё равно не куда, она перегорела путь, да и к тому же, пока достанешь карту-ключ. пока применишь, брюнетка ещё кого-нибудь убьёт... Но в своём выборе действий учёные ошиблись... Да разве их много? Их много, как считал они... Минус один,- погибший. Для неё, не считая Игоря Игнатьевича, жалких семь человек, ничтожное количество... Но светочи науки же не знали, что до них снизошла легенда.. Кто-то даже стул схватил намериваясь воспользоваться им... Предмет устремился на её голову сверху, но цели не достиг. Брюнетка в замысловатом движении молнией ускользнула в сторону, её меч пришёлся нападавшему по ногам. Сильное, ловкое, безжалостное движение срубило влёт обе конечности единым ударом, словно масло. Мужчина рухнул прежде, чем понял, что произошло, выронил стул... Только потом сознание залила острая боль, когда калека барахтался в луже собственной крови. В эту же лужу, прямо напротив лица упали его отрубленные ноги. Отчаяние и ужас. Крови становилось всё больше. Мучительно истекая, калека наблюдал, как грохнулось мёртвое тело его коллеги, подняв липкие брызги, которые попали в лицо. Мир менял цвет, жесткого окрашиваясь в алый. Красный, красный, красный.... Красный! Дьяволица из преисподней! Роза Баккара умело провернула этакий фокус со скользким, липким и мокрым от крови полом. Каблуки, как оказалось женщине не для красоты и полноты образа нужны... Длинные, острые, девятисантиметровое шпильки... Далеко не для красоты! Для манёвренных, акробатических, да титанически сложных в плане физики движений. Бальный пируэт, удар одного ногой с разворота в спину с траекторией полёта на другого. Никто глазам не поверил, туфли казалось двигались сами, будто дрессированные пудели. Но, к сожалению, это не так. Тренированный убийца годами оттачивала эти акробатические техники и всегда только на высоких каблуках, что бы качать ноги. Оба учёных рухнули друг на друга и оба тела Роза Баккара насадила на свой меч, как поросят на вертел.

- "Да ну на хрен!", - во весь голос закричал кто-то, перепуганный до невозможности.

Пусть кричит... Пусть хоть все кричат... Всё равно их никто не услышит. Крикун бросился бежать, но не успел. Его голова слетела и покатилась чертополохом к ногам Игоря Игнатьевича. Старик сам не знал куда ему деться от страха. Дед упал на пятую точку, пополз назад и сжался между ножками столов, молясь Богу, что бы несущая смель его не заметила и одновременно благодаря Бога за то, что Сашки тут нет и его названный сын не видит всей этой бесовщины... Аллилуйкин не знал о том, что женщина здесь из-за него, а кровавая ересь, которая сейчас происходит, происходит из-за того, что старый гений потряс умы человечества своими новыми достижениями в области науки.

- "Не верю... Такого не может быть...", - то и дело повторял себе под нос Игнатьевич.

Роза Баккара приняла другую стойку с оружием на раскинутых по разные стороны вытянутых руках. Танец теней делал своё дело... Брюнетка подпрыгнула, её тело перевернулось в воздухе, глазом моргнуть никто не успел, как вс плеч слетела ещё одна голова.

- "Матерь божья! Я не хочу умирать!", - заорал последний из ассистентов и в слезах кинулся к воротам. Поздно. Убийца швырнула свой меч и метко попала в спину. Мужчина

почувствовал, как его что-то пронзило насквозь, опустил глаза... Из груди несчастного туда сюда, из стороны в сторону металось алое лезвие. Губы задрожали, как у рыбы, которую внезапно вытянули из воды и выбросили на берег. Учёный потерял сознание от шока. С мелочёвкой покончено, остался только Аллилуйкин Игорь Игнатьевич. Старикашка далеко уйти не мог, поискав глазами, мёртвый цветок нашёл свою цель. Испачканная кровью, белая маска повернулась в сторону деда. Убийца приближалась медленно, но уверенно. Стук каблуков эхом отдавался в ушах, нарастая... Бешено застучало старое сердце, в горле пересохло. Цок, цок, цок, цок. Этот звук казался оглушительным и невыносимым. Звучало так, что кругом шла голова, казалось шаги приближающейся смерти сравнимы со звоном колокола. Вот в голубых глазах отразились на удивление красивые, стройные, женские ножки в сетчатых чулках. Неземная красота прекрасной розы принадлежит чёрному цветку, до последнего лепестка утонувшему во мраке. Восхитительная грация, неподражаемая пластика, стержень и стать великолепны, но мертвы и красота эта мёртвая, пугающая, зловещая. Через прорези маски сложно было разглядеть глаза убийцы, но Аллилуйкин всё же заметил в них безразличие ко всему живому и пустоту.

- "Кто ты?..." - едва и смог спросить старец, на что прозвучал безликий голос:

- "В такую минуту, имеет ли значение для вас знать об этом?..."

Игорь не мог унять дрожь и страх. Конец холодной стали хищно упёрся ему в грудь, затем медленно стал прорезать одежду, да погружаться в плоть, в кости, в пострадавшее сердце. Старый стиснул зубы, потом заметил, что его больше не чего не волнует, ни уходящая жизнь, ни наука, ни земные желания, ни земные тревоги... На смену насущной повседневности, стремлениям и мечтам пришла лёгкость. Опустились веки, мир исчез, погрузился во тьму.

Глава 5. Свидание.

Инна Романовна на сегодня взяла отгул. Ей так хотелось увидеть того необычного, рыжего, кучерявого учёного, что не возможно было устоять перед своими желаниями. Осеннее солнце светило ярко и нечто беды не предвещало... Молодая журналистка вышла из дома и шустрым, бодрым шагом устремилась вглубь дорог, домов и тротуаров. Пожухлая жёлтая, медная, да красна листва шуршала под ногами. А вот и лаборатория... Время переступило за полдень и приближалось к часу. Зелёная водолазка, простенький кулон в виде крылатого сердца, серебро, красный жилет, зелёные джинсы в стиле милитари, в том же стиле сумка, тяжёлые берцы, тонкие, изумрудные часы, зелёный берет с белым пером с боку и с красной брошкой в виде сердца, - бижутерия. Александр Александрович поселился в голове Инны Романовны, заставляя бедняжку постоянно о нём думать. И всё таки что-то в этом мужчине такое, этакое есть!.. Боже, мечты, фантазии, в которых фигурирует он... Фантастика... Шатенка понять не могла, что её так влечёт, что манит, будто магнитом, к молодому учёному, но всё же это так интересно... Не успела девушка дойти, как внезапно со спины пулей подъехала машина. Дуновение ветра, одна мужская рука прикрыла Любопытиной рот, а вторая, обхватив за талию, резко утянула во внутрь салона. Корреспондентка пятой точкой плюхнулась к кому-то на колени. Знакомый голос властно потребовал:

- "Тихо, белка!"

Машина рванула с места. Мчалась, что было мочи, подальше от лаборатории. Взрыв. Тут же здание взлетело на воздух, разорвалось на кусочки. Взрывная волна толкнула автомобиль сзади, забросив в манёвр дрэг. Александр со своей спутницей вращалась волчком недолго... Парень ловко вырулил... Слишком ловко для очкастого батана... А за тем рыжий вообще провернул невероятный, потрясающий трюк с крутой тачкой. Сашка умело поднял спортивный кар на два колеса, заметив приближение опасности в зеркале заднего вида. Два осколка лаборатории неслись прямо на них и Лада Равен проскользнула между каменных глыб, словно угорь между акул. Вылетев на проезжую часть, машина нырнула под витой мост. Александрович, не сбавляя скорости, ловко дрифтовал и в конце концов затормозил у обочины. Профессионально затормозил! Будто и не был всю жизнь учёным, а был гонщиком.. Девушка прибывала в лёгком потрясении. Всё о чём могла думать маленькая журналистка, так это, - какой материал! Какой репортаж!

- "Да, я люблю лихачить..." - составив бровки домиком, извиняющимся тоном произнёс Самородкин. Любопытная мордашка Любопытиной выглянула из окна, сразу же после того, как девушка опустила стекло. Она несколько раз так выглядывала, затем звонко защебетала, ёрзая на коленях, как уж на сковородке:

- "Ни фига себе! Ни чего себе! Это... Это... Невероятно! Просто невероятно! Вы видели? ... Видели?... Лаборатория... Лаборатория... Она... Она... Разлетелась на кусочки... На кусочки! А вы?... Вы?... То, что вы сделали... Вы просто невероятный! Потрясающий! Александр Александрович, вы же только что спасли... Вы спасли мою жизнь... Какой материал! Какой репортаж!"

Ещё утром белый свет утратил краски, утонув в серых, мрачных тонах, а сейчас снова приобрёл цвета. У Сашки на коленях голосит, дёргается, трётся об него своей упругой, аккуратной, очаровательной попкой маленькая малышка. Малышка! Ровно волк и красная шапочка... Так бы и съел! Самородкин не мог не наслаждаться этим моментом. Ох, хорошо... Чертовски приятно, чертовски хорошо... О, детка... Он откинулся на спинку кресла и расцвёл в мальчишеской улыбке, её миловидное личико повернулось к нему. Девушка смотрела прямо в глаза:

- "Спасибо, что спасли мне жизнь, Александр Александрович, а от куда вы знали, что лаборатория взорвётся?..."

- "Ошибаетесь, Инна Романовна... Я этого не знал."

- "Но вы..."

- "Случайность. Я спасти никого не собирался... Везение, не иначе... Когда я увидел вас, в голове помутнело... Я не смог побороть в себе желание посадить вас себе на колени. Я давно мечтал об этом... Мечтал похитить вас, увести на своей машине, дражайшая Инна Романовна... Причудливость совокупностей событий порой играет с нами злую шутку..."

- "На... ..на.. на колени?...", - похоже девушка только сейчас заметила, что сидит у Самородкина на коленях. О, Боже мой, даже в самых смелых своих фантазиях Любопытина себе не когда такого не позволяла. Вот так ситуация... Что делать? Шатенка была готова провалиться от смущения. Она зарделась, стыдливо опустила зелёные глаза, приняла кроткую позу смиренной ученицы, которую только что отругал учитель. Шевельнуться лишний раз Инна побоялась. Глядя на это, от паха вдоль спины у Александра поползли жгучие, возбуждающие мурашки. Твою ж мать, Господи, как же она мила в своём стеснении! Серые глаза потемнели, хотелось стонать, пришлось закусить губу. Держать себя в руках стало титанически трудно. Ситуация переходила за опасную черту... Сашка умирал от желания резко и грубо прильнуть к её устам и просто в них всосаться. Целовать яростно и страстно, пока языки и губы не сотрутся. Вместо этого парень едва смог взять контроль над разумом и спросил:

- "Удобно?... Я мечтал раньше посадить вас к себе на колени... Догадаетесь, о чём я мечтаю сейчас?..."

Малышка словно очнулась, резко подняв на мужчину взор. Лицо её обрело цвет помидора. Она часто задышала, ели, ели застенчиво и робко сползла с мужских колен на соседнее сидение. Ох, ну и девчонка! Обожаю! Ни куда ты, ягнёнок, теперь от меня не денешься!, - думал рыжий. Инна втянула голову в плечи, по прежнему до ужаса робея. Рядом с ней у него кругом шла голова. Застенчивость девушки просто опьяняла. С минуту длилось молчание.

- "Ну, я наверное пойду...", - тихо протянула журналистка.

- "Куда?..."

- "Ну... У меня, конечно, выходной... Но такое... Такое происшествие... Какой материал, какой репортаж! Ноги так и просятся на работу... Сами понимаете, Александр Александрович, сенсация и всё такое... Снимать надо..."

- "Вы только о работе и думаете, Инна Романовна? Вы только что едва не погибли..."

- "А, - вы?!", - смелость, решительность, а главное, - вызов засветились в зелёных глазах.

- "А что, - я?"

- "Александр Александрович, разве вы не отдаёте всего себя своей работе? Всего! И тело и душу! Если вы спрашиваете меня, журналистка ли я, репортёрша ли я, - то да, самая, что ни на есть настоящая репортёрша и журналистка. И ещё какая!"

Любопытина гордо вздёргнула хрупкий подбородок. От чего маленькая леди стала ещё очаровательней. Уголки губ Самородкина поползли вверх. Парень положил руки и кучерявую голову на руль, о чём-о размышляя. Со своей малышкой он расставаться не хотел. Она молчала в ожидании его ответа. Сашка резко поднял голову, подпрыгнули вытые огненные завитушки пружинками.

- "Ну уж нет! Не сегодня!", - жёстко заявил молодой учёный, - "Сегодня я вас просто никуда не отпущу!"

- "Александр Александрович..."

Девушка хотела возразить, как мужчина её перебил:

- "Инна Романовна, вы смотрели фильм «Форсаж»? Четвёртую часть, - «Токийский дрифт»?», - она кивнула, - "Пристегнитесь, дражайшая Инна Романовна. У меня спортивный кар. Я покажу вам, что наука не единственная моя любовь..."

Она пристегнулась. Лада Равен рванула с места стрелой. Александрович решил показать молодую корреспондентку. Да не так покатасть, а по-настоящему... Не повыпендриваться,

как это делают богатые ублюдки, хвастаясь перед наивными пустышками дорогими тачками... Сашка умеет кое-что и неспроста у него именно спортивная модель автомобиля! Рыжий решил прокатиться шатенку так, что бы адреналин бил через край и дух захватывало. В этом виде спорта молодому учёному равных нет. Сюрприз! Мой персонаж, батник не так прост... На очередном дрифте и на очередном крутом повороте Любопытина в очередной раз залюбовалась уверенным, молодым веснушчатым лицом. Парень наслаждался экстримом и не скрывал этого. Какой он необычный, этот учёный... Необыкновенный! А я то думала, что все профессора наук, высокомерные зазнайки и скучные до ужаса зануды... О, как я ошибалась... Что за мужчина?! Он не на кого не похож! У него такие забавные и игривые кучеряшки... В них, как будто потелось солнце... Солнце!, - думала про себя Инна Романовна. Несколько часов к ряду Самородкин вот так вот катал Любопытину. Это помогло ему самому отвлечься от мрачных мыслей. Парень обожает скорость, а от того, что компанию ему составляет милейшая крошка, Сашка чувствовал, будто за спиной у него выросли крылья.

Уже под вечер голубки заехали в Итальянский ресторан. В любимый ресторанчик Аллилуйкина. Самородкин вышел из машины первым, обошёл вокруг, открыл дверь даме и требовательно протянул ей руку. Она послушно положила свою ладонь на его и парень плавно вытащил свою принцессу со словами:

- "Прошу вас, моя леди."

Шатенка смущённо захихикала. Какой приятный голос, какой приятный смех!

- "Знала бы, надела бы платье..."

- "И что, то, что вы не в платье, госпожа Любопытина? Куда прикажите вас вести?... В военные казармы?"

Оба засмеялись. Она взяла его под локоть. Кавалер галантно повёл девушку в ресторан. Настроение в зените. Ужин просто чудесный. Сашка обходительный и галантный. Во всём, джентльмен. Парень этикету обучен так, словно во дворце родился и с большим энтузиазмом это демонстрировал. Молодой лик периодически украшала добродушная улыбка.

Поздний вечер, день закончился. Самородкин подвёз Любопытину и даже больше... Он проводил её до самого подъезда.

- "Вы полны сюрпризов, Александр Александрович!...", - радостно пролепетала маленькая крошка. Так, это просто превосходно!... Значит первое свидание ей понравилось... Можно двигаться дальше, не меняя курс и направление.

- "Весьма польщён, дражайшая госпожа Любопытина. Надеюсь я не утомил вас своим обществом..."

Ласковые губы рыжего мужчины, учтиво склонившегося в поклоне, нежно облюбовали хрупкие женские пальчики.

- "Ну что вы, что вы... Всё было просто чудесно!"

- "Я буду считать минуты, расставшись с вами, и с нетерпением ждать, когда вы удостоите меня чести вновь видеть вас, Инна Романовна."

- "Александр Александрович, вы,- это нечто!"

- "Коли так, моя леди, то в следующий раз я украду вас не только на весь день, но и на всю ночь."

- "На всю ночь?"

- "Вы боитесь?"

- "Может быть... Слегка боюсь... Я к такому и так быстро не готова."

- "Я покорен вашей воли, моя дорогая леди, но... Всё уже решил за вас и компромиссы тут не приемлемы. Поверьте, мне бы менее всего хотелось бы ставить вас в неудобное, компрометирующее положение, разрешив наш маленький конфликт с позиции силы. Драгоценная моя госпожа, имею так же смелость советовать вам не судить обо мне по первому впечатлению..."

- "Ах, Александр Александрович, вы, оказывается такой..."

- "Какой?"
- "Властный! Даже любопытно..."
- "Это правильный вывод."
- "А можно?... У меня есть маленькая просьба..."
- "Всегда к вашим услугам, дражайшая Инна Романовна..."
- "Алекс... ..Са... Саша... Наклонитесь, пожалуйста..."

Приятные мурашки побежали по его спине. О, детка, чего же ты хочешь? Малышка! И мужчина наклонился... Этого парень не как не ожидал, как и не ожидал таких замечательных слов в свой адрес. Шатенка осторожно коснулась огненных волос, поглаживая и наматывая на пальчики игривые кучеряшки. Инна улыбнулась в восторге выдав:

- "Такие мягкие! Мягкие, как шёлк!"

Звоном эхо повторило её слова в его голове. Ударила кровь, и парень потерял контроль над чувствами. Сердце блаженной, приятной болью окатило, словно кипятком. Твою ж мать, о Господи, -мягкие! Мягкие, как шёлк! Что б вас! Парень рывком приблизился, упираясь локтями о стену подъезда. Кучерявая голова легла девушке на плечо. Мужчина возбудился, языком коснулся мочки уха. Любопытина вздрогнула, часто задышала, затрепетала под ним. Её сердце бешено забилося.

- "Думаете, я сделан из бетона?", - спросил он, но ответа не услышал, - "Вы так очаровательны, Инна Романовна... Заставлю прямо сейчас!"

- "Александр Александрович?..."

- "Молчите, я приказываю вам!"

В его голосе прозвучала сталь. Она зажмурилась, прикусив нижнюю губу. Случится в этот непростой момент могло всё что угодно... С одной стороны, ужасно интересно, как далеко зайдёт молодой учёный... С другой стороны шатенка совершенно не готова к такому повороту событий, но журналистка побоялась перечить Самородкину. Сверкнули стёкла круглых очков. От смущения девушка задышалась... Тело её нагревалось, а его губы скользнули вниз под воротник зелёной водолазки. Рыжий жадно всосался в пахнущую ванильными духами кожу. Язык мужчины был подобен раскалённому железу, властному и горячему. Голос Романовой сорвался до неприличного, Инна даже прикрыла себе рот рукой. Возбуждённое тело девушки бросило в жар. Стыдно то как! А больше всего ей было стыдно от того, что от пылких уст Александра корреспондентка получала немыслимое наслаждение. Резкий звук... Это запищал домофон. Дверь толкнула голубков, приводя их в чувства. Кто-то выходил из подъезда и нарушил уединение, полное страсти. Неохотно, но Сашка всё же оторвался от столь сладенькой девочки, отступил назад. Пристыжённая аморальным поведением своего кавалера шустрая журналистка исчезла в открытом проёме. Убежала. Хотя, что естественно, то не безобразно. Едва парень пришёл в себя, девушки и след простыл. Рыжий спиной прислонился к стене. Медленно Александр начал сползать вниз, пока не уселся на корточки.

- "С ума сойти...", - прошептал он.

Губы пылали. Мысли путались. Счастливая, блаженна рябь разливалась по организму, пробирая до кончиков пальцев. Самородкин ещё пару минут вот так вот просидел возле подъезда Любопытиной. Затем поднялся и блуждая, словно во сне, направился к машине.

Дом. Милый дом... Два раза повернул ключ в замочной скважине. Александр Александрович переступил порог своей квартиры. Майн кун сразу подбежал к своему хозяину. Хозяином, понятное дело, котяра считал себя... Разувшись, парень обхватил мордашку рыжего питомца обеими руками, от чего ласковое животное пришло в восторг и громко заурчало. Два И вытянул задние лапки. Сашка сказал усатой морде:

- "Игорь Игнатьевич! Не знаю, как на счёт Итальянской кухни, но точно знаю, что вы предпочитаете кролика в морковном желе!"

Позабывшись о пушистом любимце, молодой учёный достал из шкафа чистые зелёные трусы-боксерки, взял заранее приготовленную пижаму, носки того же цвета и двинулся по направлению к ванной комнате. Сорвав с себя одежду, парень аккуратно сложил вещи в корзину для грязного белья. Чистые шмотки очкарик положил поверх стиральной машинки. Включил воду, да погорячее, но не слишком горячо, налил пены, да насыпал соли для ванн. Какой аромат! Поднялись звёздные хлопья. Во всеоружие на полках возвышался персиковый шампунь. Два И пробрался следом за Два Ал и запрыгнул на специально уготовленный для котика лежак. Сашка всегда старался угодить своему любимому зверю и очень любил наглого котяру, да баловал. Лежанку Самородкин установил и закрепил для пушистого прямо над бочком унитаза на стене, предварительно сделав полочку. И было это давненько, ещё в те времена, когда Сашка заметил, что его котёнок постоянно лазает за ним. В ванном молодой Игорь Игнатьевич ждал когда человек наконец купается. Ласки же хочется, а чистюля- раб никак водичкой не набалуется... Безобразие! Продолжалось так до тех пор, пока молодой учёный однажды, закончив омовение, не наступил малышу майн куну на хвост. Нечаянно это было, на за нечаянно бьют отчаянно... Вот по этому, пронзительно заорав, Два И вцепился в ногу обидчика всеми зубами и когтями прямо до крови. Повезло жалкому человеку. Кот тогда котёнком был и не причинил особого вреда, да и хвостик майн куна после того единственного раза давно уж восстановился. М... да... Дела прошлые... Было... Сейчас лишь мимолётное воспоминание, когда сперва от боли закричал Два И а после и Александр... Зуб за зуб. Наказывать за такое усатого никто не стал, умник просто для питомца определил местечко и установил его над туалетом.

Обнажённое тело мужчины погрузилось в мерцающую пузырьками лазурь. Роскошно... Цветные шарики лопались, надувались новые, ласковая, мыльная вода... Очкарик расслабился. Серые глаза скользнули по полкам. Взор остановился на шампуне. В памяти всплыла Инна Романовна. Белка! Белка! Она коснулась его волос... Его рыжих, кучерявых волос... Да и не просто коснулась... А изъявила желание... Сама изъявила желание, потрогать его волосы... О Боже, что за девчонка! Парень улыбнулся своим мыслям. Он чувствовал, что жизнь меняется... Меняет вектор направления, входит в новое русло. Уже некогда и ничего не будет, как было раньше... Останутся только зеркала былого... От того Игоря Игнатьевича осталось одно имя, которое теперь носит лапочка-кот. А наставник ушёл навсегда и больше не вернётся никогда. С того света ещё никто не возвращался... Так всегда бывает.. Исчезают безвозвратно из нашей жизни одни личности, приходят в нашу жизнь другие и заполняют безмолвную пустоту, латают изорванную в клочья душу. Инна Романовна. Ох, крошка, ох, малышка! Ну всё! Никуда ты теперь не денешься! Самородкин размышлял,- надо будет, слой возьму... Но ты будешь моей... Моей! Я сделаю тебя своей... Даже, если ты не хочешь. Но на сколько молодой учёный мог судить, скромница очень даже хочет и возможно силой ей понравится даже больше. Ко всему прочему это не единственная хорошая новость... Парень думал,- в моих руках грозное оружие,- Роза Баккара! При помощи железного, мёртвого цветка я свергну глав «Чёрного клевера» и сам возглавлю тёмный, тайный орден. Те, кто во мне сомневались, увидят то, что судьбой мне уготовано величие! Сначала «Чёрный клевер», а потом,- мировое господство. Я сильный! Со мной мир заживёт лучше... Как может быть иначе?... Я же,- гений. Гений! И во всём буду первым. Впрочем, как и всегда... Отмокая в чудесной пене, Сашка достал с полки беспроводные наушники, включил, надел. Бесподобно заиграла скрипка Ванессы Мей и унесла сознание в мир грёз...

Преисполненная отличным настроением, молодая корреспондентка и журналистка ранним утром залетела в кабинет сотрудников, с большим энтузиазмом. Рабочие расхаживали с чашками кофе. Люди вопросительно косились на маленькую начальницу. Шатенка была в тёплом, спортивном платье, длинной в пол, красного цвета. На роскошной груди забавно вырисовывалась чёрная тень кенгуру, двухсторонний карман на животе, капюшон, чёрные кроссовки.

В ушах Любопытиной красным сверкали серёжки в виде яблочек, - бижутерия. На плече сумка цвета хаки, в стиле хиппи. Аккуратные пальчики в золотистом маникюре упали на стол Вездесущему. Оператор слегка подпрыгнул на своём стуле. Малышка перед ним радостно воскликнула:

- "Покуй камеру, Валера! Мы едим снимать репортаж!"

- "Куда?... ", - Валерий Андреевич чуть не выронил чашку кофе из рук от неожиданности и удивления. Да что это с ней?... Никогда шатен ещё не видел свою напарницу такой, - сияющей, цветущей и возбуждённой. Сегодня в девушке было что-то необычное. Видать, случилось чего... И случилось чего, видать хорошее... Понять бы ещё чего... Перемены в Любопытиной видны невооружённым взглядом. Сослуживцы зашептались, о чём-то хихикая. Всё чаще и чаще то там, то там стали появляться на лицах людей загадочные огни в глазах, да улыбки. Вот, в свою очередь и Вездесущий догадался... Неужели, все сторели карусели?... Не может быть!... Ну наконец-то!... Давно пора...

- "Как это, куда?! Лаборатория взорвалась, взлетела на воздух!"

- "А, это... Инна Романовна, где вы были вчера? Я понимаю, у вас был выходной, и всё же... Мне с трудом верится, что вы упустили такую возможность стоять в рядах первых репортёров, ради отдыха... Инна Романовна, вы прекрасно знаете, все корреспонденты, - это хищники, которые должны успевать хватать добычу первыми... Ну, то есть, - новость. Иначе придётся довольствоваться обедками..."

- "Пускай обедками!", - девушка нахмурилась, насупилась, ударил крохотным кулачком по столу.

- "Даже так?"

Тут шатену на глаза попала шея маленькой начальницы в всё стало прозрачно... Дурак бы не понял. Засос! На нежной коже Любопытиной расцвёл цветком аленьким след от пыльных губ Самородкина. Во весь рот улыбался Валера, в голубых его очах вспыхнуло насмешливое понимание. Где она была вчера... Понятное дело, - где! Фиг с лишней суетой, действительно... Какая к чёрту работа, когда на горизонте маячит личная жизнь? А Инна с жаром настаивает на своём:

- "Ну не займёт шестой канал единственный раз в жизни первое место среди лидирующих передач... Не Армагеддон! Переживёт!"

- "И в самом деле... Чего это я?... Вы безусловно правы, Инна Романовна..."

Тут же подорвался Вездесущий, одним большим глотком допив свой кофе. Затем шатен показал на себе пальцем и сказал:

- "Инна Романовна, перед тем, как пойдём, я бы советовал вам... Ну, прикрыть... Чем ни будь..."

- "Прикрыть?! Что прикрыть?!"

Любопытина покраснела, как помидор, резко подпрыгнув. А после до шатенки дошло... Она вспомнила, как вчера Александр Александрович целовал её. Она выхватила розовое зеркальце из сумочки и обнаружила на шее засос. И как же она утром не заметила. Девушка покраснела ещё больше от стыда и смущения.

- "Валера!", - завизжала она.

- "Что, - Валера?", - парень притворно повёл плечами, забавляясь реакцией начальницы. С лица его ниспадали радужные морщинки.

- "Не мог раньше мне об этом сказать?!"

- "Самородкин Александр Александрович?"

- "Не твоё дело!"

- "Шустрый какой, батан... Не промах этот рыжий, конопатый!"

Да как смеет, этот?... Любопытина снова зарделась, но уже не от смущения, а от гнева. Её учёный не только очень умный и обходительный, он такой клёвый и интересный, а как лихо

водит машину... Непростительно грубо Валерий Андреевич позволяет себе так отзываться о нём. Он же его совсем не знает! Ах, Самородкин... В конце концов, это обидно... Инна в плотную подошла к своему оператору, на сколько это было возможно с её крохотным ростом, предупреждая подняла пальчик, прямо перед носом шатена и заявила:

- "Он не рыжий и конопатый, а весенний и лучистый!"

- "Полно вам, Инна Романовна!",- Вездесущий примирительно поднял руки вверх. Недовольно дёргался её насупленный носик. Оператор обожал издеваться над корреспонденткой,

- "Вы же знаете, я незлой. Я пошутил. Пошутил только... Больше не буду. Честное слово.", - парень быстро засунул свою камеру в чехол, закинул аппарат на плечо и направился к выходу.

Вдруг он остановился возле двери, обернулся лучезарно улыбаясь и добавил к своим словам,

- "Привет от меня вашему медовому пчёлке Маю."

Она завизжала:

- "Валера! Гад!"

Схватила кружку из под кофе с его стола. Шатен не стал дожидаться дальнейших действий вспыльчивой шатенки. Когда Инна швырнула предмет в оператора, мужчина пулей выскочил из кабинета. Кружка столкнулась с дверью и разлетелась в осколки. Журналистка зафыркала, подобно ошетинившемуся ёжику и дважды топнула ножкой.

- "Я жду вас снаружи!", - сообщил Валерий Андреевич из-за двери.

Оглядевшись, маленькая начальница прикрикнула на своих шепчущихся, посмеивающихся подчинённых, что из-под тишка за ней наблюдали:

- "Чего уставились?! Работать!"

Глава 6. Офицер Какашкамразь.

Лаборатория лежит в руинах. Квартал отцеплен. По обломкам здания и между лазают криминалисты. В стороне стоит мужчина. Страшный, старый, пустые грязно-зелёные глаза, сродня с глазами болотной жабы. Огромный, убогий нос с тремя здоровенными бородавками, пузо большущие, округлое как мяч,-переросток. Штаны на ножках держал только ремень, пуговицы ментовской рубашки едва сходились на животе, голова немытая, лысая. Офицер смотрел на всё это безобразие и думал, - что я здесь делаю? Почему я вообще должен во всей этой мишуре возиться?... Задницу морозить?... Очевидцев всё равно нет. Никто ничего не видел подозрительного. А учёные?... Как сквозь землю провалились! Прямо к Дьяволу, не иначе. Ни единого тела, ни останков, ни кожи, ни костей... И что это за кроваво-красный пепел? Чем подрывали это задние?... Не понятно... Но совершенно ничего органического мы не нашли... Даже на экспертизу нечего принести. Тьфу ты, чертовщина какая-то. Зацепиться не за что... Глухо... Улик нет. Правда мне улики и не нужны особо... Козёл отпущения у меня уже есть... Вернее,- коза... Со своими связями я могу засадить кого угодно и сфабриковать улики сколько душе угодно. Он заплатит мне прилично, даже очень... За то, что бы я упрятал её в кутузку. У меня есть связи в кремле и в прокуратуре. Мировой судья,-никто иной, как мой младший брат. Да и кое-какие родственники имеются в отрасли медицины. Это уж наверняка... Но, проклятье! Я торчу здесь! Мне лень. А Вероника Ахмедовна приготовила чудесные плюшки с малиновым джемом, кулебяку с мясом, картошки, котлет свиных, булочек с корицей и порошков с яблоками. Вместо того, что бы греть свои косточки дома, я за непонятным хреном торчу здесь... Обидно как то. Да и путь лицо её всё в синиках, как и не только лицо... Покладистее будет жена. Не поощрять же непокорность! Эх, пивка бы сейчас... А лучше на природу, водочки и шашлычка, да продажных девок. Жена и сын, пёс с ними, они, единый хрен, никчёмные! Нихай дома сидят! Так и стоял старый уродец, да думал и думал, о своём, о неизменном, о жалком. Тем временем подчинённые его, сродня навозным мухам, всё копошились в развалинах в поисках хоть чего ни будь. Бесполезно, ничего найти им ни не светит, кроме красного пепла и пепла обычного. Офицер и не заметил, как со спины к нему приближались репортёрша со своим оператором, до тех пор, пока не услышал её звонкий голос:

- "С вами я, ваш любимый журналист газеты Блокнот и репортёр шестого канала, Любопытина Инна Романовна. Дамы и господа, мы находимся возле лаборатории, которая только вчера обратилась в руины. Возле той самой лаборатории, в которой некто гениальный, учёный, профессор науки Аллилуйкин Игорь Игнатьевич разработал формулу! Ту самую формулу, на основе которой можно было создать лекарства от самых неизлечимых болезней и даже более. Формулу, что должна была позволить человечеству совершить гигантский шаг в развитии. Сегодня мы наблюдаем камни, осколки... Что случилось с величайшим учёным умом современности? Что случилось с новым открытием, с изобретённой формулой?..."

- "Только этого ещё не хватало!", - зло и недовольно заметил офицер, когда со своим монологом девушка приблизилась к нему.

- "Ах! Сотрудник полиции! А с ним и группа криминалистов..."

- "Уберите камеру! Уберите камеру, я сказал!"

- "Вот ещё новости... Почему это?!"

- "Договоришься, девчонка! Кончай снимать, тебе говорят!"

- "Это по какому такому праву, спрашивается?! Снимай, Валера. Простите, уважаемый..."

У вас есть хоть какая-то бумага, документ, запрещающий видеосъёмку?!"

Толстяк багровел от злости, сжимая крепче кулаки. Шатенка настаивала на своём:

- "Так я и думала,-нету! Господин офицер, занимайтесь своим делом и не мешайте мне, пожалуйста!"

- "Ты меня уже достала!"

Лысый резко выхватил у настырной малышки микрофон, забросил под ногу и ярым ударом сломал его со словами:

- "Репортёры хуже москитов, те ещё кровососы! Проваливайте, я сказал!"

- "Да как вы смеете?! Я буду жаловаться..." - не успела журналистка высказать всё, хранитель правопорядка поднял на неё руку, Вездесущий бросил камеру, толкнул Любопытину, прикрыв девушку собой, а лицо рукой, приготовившись принять удар. К счастью удара не последовало и вовсе не по тому, что страхолюдна не пытался его нанести... Случайность, но... Сильная рука сзади схватила и остановила руку жирного полицейского. Ишь, что удумал, старый, смердящий шакал! Офицер обернулся и взгляд стальных, потемневших едва ли не до чёрного, серых глаз ему не понравился. На сей раз светло-рыжие брови не приподнимались домиком, а опасно хмурились. Молодая ладонь сжала руку старика до хруста костей. Мусор застонал. Рывком Самородкин заставил старика пасть перед ним на колени. Затем пнул в живот и сказал:

- "Что же ты за мерзость?..."

Никто не пытался помочь офицеру. Сослуживцы не любили своего начальника, они видели, как трусливо лысый хотел ударить женщину, а за тем, решили молча пронаблюдать, пока не получат прямой приказ к действиям. Старый свин мог позволить делать себе, что угодно, с его то связями и не было из копов ни одного, кто осмелился бы перечить носатому ублюдку. Александр рывкнул:

- "Я тебе вырву проклятые культяпки! Слышишь?! Ещё хоть один раз посмеешь поднять свою вонючею граблю на эту девушку... Ты у меня землю будешь жрать, гниль!"

- "Да что же это такое?... Я этого так не оставлю!... Это нападение и оскорбление офицера полиции!"

- "Мразь!"

- "Знаешь моё имя? Тогда должен знать, с кем говоришь!... Ну погоди же у меня... Найду и на тебя управу!"

- "Заткнись! Понятие не имею, кто ты! Печальная должно быть история, раз имя тебе,- Мразь!... Я учёный, Самородкин Александр Александрович, а ты жалкая пародия на человека, просто,- мусор!"

- "Я офицер полиции, Какашкамразь Николай Владимирович! И я тебе не просто офицер... Ха, - ха!... У меня связи! Да такие!... Ты пожалеешь о том, что сделал, мальчишка!"

Тут Самородкин не выдержал и его понесло:

- "Какой я тебе мальчишка, уёбок конченный! Напал на офицера полиции?! Ебать словным хуем! Мать твою! Оскорблял офицера полиции?! Неужели, блядь?! Хуй соси, Сучара! Хлебало завали! Съебись на хрен, иначе ебалю разобью, гандон! А увижу хоть раз рядом с ней, так отъебашу, мать родная не признает! Стаж порядка, да ебать!"

Рыжий интеллигентный мужчина не когда так не выражался прежде и, не Боже мой, позволить себе прейти на мат... Это не делает ему чести, как считал он сам. Но уродливый старик довёл Самородкина до состояния извержения лавы. Впервые Сашка на столько разозлился, что не выдержал, поставил культуру речи на второе место. От куда он знает такие слова? В своё время мат слышал от своего единственного, школьного, лучшего друга, но это совсем другая история. Я поведаю вам о ней, дорогие читатели, когда придёт время... Коля сгорал от стыда, унижения и трусости... Вот так реакция! Перед ним стоял мужчина, твёрдый, как камень, злой, как сам Дьявол, которому на всё плевать и за свою женщину готовый разорвать любого. А ведь можно подозревать подчинённых, а ведь можно и задержать нахала со всей его кампанией, да и сопроводить куда следует, в обезьянник пока, но... Но.. Полицейский перетрусил, Сашка выглядел грозно и вправду едва сдерживался, что бы не наброситься на Какашкамразь. Пока менты добежали бы, пока разняли бы, рыжий успеет от души прописать пизды и по почкам и

по ебалу, а к такому повороту событий Владимирович совершенно не был готов. По этому старый толстяк прикусил свой язык и испуганно бросился к полицейской машине. Криминалисты ржали ничтожному трусу вслед, аплодируя Самородкину, да решили свернуть свою деятельность, всё равно здесь ловить нечего. Учёный, репортёрша и оператор смотрели вслед уезжающим полицейским машинам. Валерий Андреевич нашёл глазами потерянное, подошёл к своей пострадавшей видеокамере и с грустью посмотрел на сломанную вещь. Шатен склонился над бедной разбитой и прошептал:

- "Прощай, Фредерика..."

Чего?! Фредерика?! Ещё один чудак...,- про себя подумал Александр, затем подошёл к горемыке и, резко хлопнув по плечу, сказал:

- "Не переживайте, мой друг! Я возьму вам вашу потерю. Тем более, что кое-какая видеокамера у меня в квартире завалялась... Новенькая почти, я ей пользовался всего один или два раза, не помню..."

Вездесущий немного повеселел, да сказал в ответ:

- "Благодарю, вас, Александр Александрович."

- "Ну что вы, Валерий Андреевич, не стоит меня благодарить... Вы готовы были защищать Инну Романовну. МОЮ Инну Романовну! Этого поступка я вам не забуду..."

Голубые глаза весело сощурились, прыгнув в сторону журналистки.

- "Я ошибался в вас, Александр Александрович..."

- "Прошу, будьте поконкретней, Валерий Андреевич..."

- "Вы вовсе не медовый пчёлка Май..."

- "Валера!", - возмущенно завизжала Любопытина, сжав кулачки. Это оператора ещё больше раззадорило. Учёный не догонял, - медовый пчёлка Май? Что ещё за пчёлка Май? Я явно пропустил что-то интересное... Тем временем малышка подбежала и забарабанила кулачками по спине своего подчинённого, требуя:

- "Прекрати сейчас же!"

Однако Андреевич только разыгрался и не думал останавливаться.

- "Вы,- тигр в доспехах, без страха и упрёка!"

- "Валера! Гад!"

Наблюдая за этой сценкой, молодой учёный в голос расхохотался. Отсмеявшись, Самородкин сказал:

- "Весёлый ты парень, Валера! Ну, что?... Прокатимся?..."

- "Куда?", - не понял шатен.

- "Как, - куда?... За видеокамерой, конечно! Я отдам тебе свою и вы сможете продолжить съёмку."

- "Жаль, что лаборатория..."

- "А, лаборатория... Не беспокойтесь, я ведь тоже не лыком шит... Уже завтра закипит работа и её начнут отстраивать. Я восстановлю лабораторию с нуля."

Любопытина аж подпрыгнула, услышав новость, да захлопала в ладоши от радости.

- "Вот это да! Какой материал! Поехали, Валера!"

- "Так точно, Инна Романовна!"

Тайный орден, который противостоит другому тайному, но тёмному ордену, ордену «Чёрный клевер», называется «Путеводный крест». Один из агентов «Чёрного клевера», некто Миролюбов Сергей Иванович, так же является и агентом «Путеводного креста». Возглавляет «Путеводный крест» некто Люциферов Михаил Владиславович. Всей душой Миша ненавидит Белокрылую Ангелину Васильевну. А ведь когда-то в прошлом они встречались и он её безумно любил. Люциферов, сидел в кресле, задумчиво коснулся шрама на подбородке от крикового ножа. След, оставленный на его лице, служил напоминанием о том, что Геля не когда его не любила, а лишь использовала в своих интересах, а когда он сал ей больше не нужен, решила

убить и выбросить, как сломанную игрушку. Чего ещё от неё ждать? Блондинке надоедало играть, да забавляться одними и теми же игрушками. Но Люциферов сбежал и вовремя исчез из её жизни, так что убить его Белокрылой не удалось. Спустя какое-то время, Миша в тайне основал орден «Путеводный крест» и из-под тишка «Чёрному клеверу» начал вставлять палки в колёса, порой путая планы злобных ублюдков, оставаясь в тени. Но и не только... «Путеводный крест» стремился помогать людям, защищать правду и справедливость, но не кому не показывался на глаза, держал свои деяния в секрете, как и своё существование. Михаил Владиславович, -это коротко стриженный молодой брюнет, вечно хмурый, не когда не улыбается. Возле тёмно-синих глаз играли радужные морщинки. Тёмно-синие одежды, два револьвера на поясе. Своего агента Михаил принимал у себя в кабинете. Серый вошёл, сел, заговорил:

- "Разрушение лаборатории и смерть Аллилуйкина Игоря Игнатьевича, - это дело рук убийцы, беспринципной наёмницы Розы Баккары. «Чёрный клевер» лично просил убрать его. Эти люди заполучили формулу. а она свои грязные деньги. Убийство, фу.. Не знаю занятия более мерзкого, чем мараться, отнимая чужие жизни..."

- "Что из себя представляет, эта Роза Баккара?"

- "Сложна сказать. Лица её я не видел, правда, та ещё дрянь. Как я понял, - жадная сука, что за деньги пойдёт на всё... Уверен, и мать родную продаст... На следующие задание «Чёрный клевер» отправит меня вместе с этой продажной тёлкой. Женщина, -убийца, подумать только! И куда катится этот мир... Как будто нет другого ремесла для бабы... Женщины в наше время вероломны и отвратительны. «Чёрный клевер» хочет, что бы я узнал, кто скрывается под маской Розы Баккары."

- "И ты это узнаешь, Сергей Иванович. Я потом наведу о ней справки. А вот для «Чёрного клевера» ты задание провалишь, им знать её истинное лицо необязательно..."

- "Вас понял, Михаил Владиславович."

- "Работай, Серый... Да, и ещё кое-что..."

- "И что же, сер?"

- "Какашкамразь Николай Владимирович..."

- "Ну и фамилия..."

- "А что фамилия?! Ха! Разве можно судить о людях по фамилии? Если так, то я судя по фамилии, - исчадь ада, воплощение зла, а Белокрылая Ангелина, - святая, непорочная добродетель. В общем Какашкамразь, человек с большими связями. Он обещал подделывать улики, обвинить и доказать, что взрыв лаборатории и массовое убийство, -дело рук этой самой Ангелины Васильевны."

- "Тела не нашли... Почему-то..."

- "Не важно. Николай подготовил несколько жмуриков, изуродованных до неузнаваемости."

- "И он поможет нам в борьбе против «Чёрного клевера»? По доброте душевной?"

- "Ну... Не совсем так... Я обещал офицеру за его труды отдать некий весьма ценный предмет..." - Миша положил руку на стол, на большом пальце редкими, настоящими, драгоценным камнем сверкало, подобно звёздам, кольцо Аполлона, старинное, раритетное, - "Знаешь, что это?"

Миролюбов присвистнул.

- "Не уж то?...Так оно стоит целое состояние... Откуда оно у вас?..."

- "Скажем так, - это тень моего прошлого... И стоит кольцо Аполлона значительно больше одного состояния. Правда, на это мне плевать! Я отдам любые деньги, лишь бы достать её, - Белокрылую Ангелину Васильевну..."

- "Знаю такую. Тот ещё ангел.. Мразь психованная... Одна сучка другой не лучше..."

Слова Серёги бередили старые раны, да и приятными не были, напоминали об ошибках прошлого. Люциферов коснулся подбородка в туманной задумчивости и уже не отнимал

своих пальцев от шарма. Сколько крови видел брюнет, сколько всего пережил?...Сколько?! Не меньше, чем Роза Баккара, да и замарался наверное так же. Что может знать о жизни этот сопливый юнец?

- "Хватит!", - неожиданно рявкнул Миша, - "На этом пока всё. Ступай, Сергей Иванович."
- "Слушаюсь, Михаил Владиславович."

Зря глава ордена «Путеводный крест» не судил о людях по их внешности и фамилии. Единицы личностей не соответствовало этим критериям, соответствовало большинство. Какашкамразю Николаю Владимировичу только сорок два года, а выглядит он вдвое старше своих лет. Внутренне содержание души гнилой и чёрной соответствует внешней наружности. Коля себя любил, считал себя лучше других, что он право имеет фактически на всё, даже на то, на что не имеет, да был убеждён в том, что мужчине красота не к чему, всё едино в этом мире всё создано для мужчин... Но не будем углубляться в степень глупых заблуждений. Жене лысого офицера, Веронике Ахмедовне сорок девять лет. Характер у неё скверный, завистливый, истеричный. Она всегда настаивает на том, что бы всё было так, как только она хочет и не как по-другому, о всех её жизненных неприятностях и даже бедах всегда кто-то виноват, никогда она сама. Всегда! Да как это так, что бы она, да была ещё и в чём-то виновата? За какие такие заслуги человека карает Бог? По национальности,- метиска. Внешне очень страшна. Висячая грудь, ни рожи, ни кожи. Одежду женщина всегда покупает дорогую, но вкуса у Вероники нет. Эта женщина родила после сорока и весьма неудачно. Мальчик на свет появился слепым, с неестественно вывернутой правой ногой и детским, центральным параличом. За это Николай упрекает свою жену и время от времени бьёт. Но мало того, что малой от рождения прикован к инвалидному креслу... Его родители над ним поиздевались, назвав Аврелием. Сверстники при каждой первой же возможности изгаляются и глумятся над слабым и беззащитным мальчиком, но что отцу, что матери плевать на это с высокой колокольни. Старой перечнице хотелось выпендриться в обществе своих лживых, ядовитых подруг, вот она и придумала имя, да поинтересней, понеобычней. Коля рукой махнул, парня невзлюбил, призирает жену и сына. Небо наказало подлого, гнилого, эгоистичного офицера, способного без причины поднять руку на женщину, да заикленного на одном лишь себе, - любимом. После смерти, черти приготовили для лысого толстяка тёплое местечко в аду, так же Бог решил отправить в недра преисподней и жену Какашкамрази. А их сын... Его владыка небесный любил... При жизни мальчонка страдал не за что... И ноги, и глаза, и паралич, и имя, и фамилия... Да и если бы мать наградила сына своей девичьей фамилией, то Самодуров звучит не на много лучше, чем Какашкамразь. Славно ещё то, что Аврелий лицом не пошёл в родителей. Нет, не совсем так... Такой же тонкий и длинный нос, как у мамыши, брови и цвет глаз, как у папашы, вот только само строение лица мальчишки миловидное, аккуратное, пропорциональное, не чета тем мордovorотам, что инвалида породили. В молодости ни Вероника, ни Николай красавцами не были и с возрастом ничего не изменилось. Несчастье Аврелия это не наказание ему, а испытание, через которые парень должен пройти, в конце малой будет вознаграждён и мучится в этой жизни ему осталось недолго... Господь скоро заберёт его и в награду за то, что мальчишка перенёс столько тягот и невзгод, переродит душу пацана в счастливой и любящей семье, с любящими родителями, вне очереди. Аврелий этого не знает, но чувствует нутром, грядут перемены.

Кольцо Аполлона, конечно, вещь весьма ценная... Весьма! Но за чем же довольствоваться только им одним, когда можно поживиться ещё, - про себя думал Николай Владимирович, - смазливая шалава, это Ангелина... Ух, баба! Неплохо бы её растряссти... Всё равно предам, да посажу, только... Попользую немного. В любом случае, она никчёмная сука... Когда-то я использовал свои вязи, вытаскивая эту дрянь из разного дерьма. Однажды из-под тешка ударил блядь, хотел, что бы тёлка белобрысая мне отсосала... Кто же знал, что так получиться. Шаболда тогда не просто заартачилась, как необъезженная кобыла, хотя объездили её уж давно

и не один раз... Она мне чуть яйца не отрезала... Грязная сука! И это после всего, что я для неё сделал... Не чего я тебе не забыл, блядь. Я тебе всё припомню... Ты мне не просто отсосёшь, шалава... И слова твои тебе припомню... То, что рожей не вышел, то, как называла меня жир-дям, жабой, вырождением толстобрюхим, чмом и уродом последним, то как грозились отрезать мне член и заставить меня, истекая кровью, перед смертью, сосать собственные кишки. Ну и трухнул я тогда. Будто чёрта увидел, а не бабу... Шваль! В ногах валяться будешь и умолять меня, что бы я ноги тебе свои разрешил целовать... Лысый толстяк отхлебнул горячий чай, - апельсиновый улун, поедая пончики в пудре, которые испекла Вероника Ахмедовна. Избитая жена спала в соседней комнате на диване, иного подрагивая в судороге боли. Сын-инвалид боялся выйти из своей комнаты. Закончив поглощать жадно еду, офицер Какашкамразь покинул кухню, взялся за телефон и позвонил. Она подняла трубку. Николай спросил:

- "Помнишь меня, потаскуха?"

Раздался истерический, женский смех. Женщина заговорила:

- "Зловонным духом запахло! Говно всегда всплывет на поверхность..."

- "Заткнись! Называешь меня говном?! Мерзкая шлюха! Я столько о тебе знаю..."

- "Кончай, Мразь! Выкладывай! У тебя ко мне дело, жирная свинья, или соскучился?"

- "Соскучился? Ха! Уж не по тебе ли? Не воображай о себе слишком много! Есть блудницы посмазливее и посговорчивее тебя..."

- "Жаль, а я вот жалею, что в своё время не вспорола тебе брюхо... Ха,- ха, -ха, - ха! Мразь, какая же ты, Мразь! Трусливый, подлый, слабый... Я помню, вырождение, как ты чуть в штаны дерьма не наложил и даже твои омерзительные бородавки в ту ночь дрожали... Надоела, ублюдок, твоя вонючая наружность... Посмотреть бы, из чего ты сделан изнутри..."

- "Что ты несёшь, овца?! Я,- Какашкамразь Николай Владимирович! Я столько раз прикрывал твою вульгарную задницу! Ты знаешь, - кто я!"

- "Ебало захлопни, гнида!", - тон блондинки стал ледяным. Она лизнула лезвие своего кривого ножа. По спине полицейского поползли мурашки, - "Говняный мешок дряхлой, облезлой кожи, набитый гнилым ливером и жиром,- вот, кто ты. Скоро ты будешь собирать свои поганые кишки и жадно уродливым ртом глотать воздух... Боже, как же я люблю убивать..."

Сердце упало в пятки. Коля побледнел. Он хотел поиздеваться над ней, показать, кто главный, одержать вверх, оскорбить, унижить, а что в итоге? Страх! Трусливый и подлый представитель закона сел в лужу. (Правда, по большей части,- нарушитель закона). Ангелина Васильевна в прошлом убивала людей и даже, - больше... К убийствам, садизму, мучениям, крикам, причинению боли истеричка испытывает особую любовь и наслаждается агонией своих жертв. Убивала блондинка с такой лёгкостью и удовольствием, с каким Какашкамразь недавно ел пончики. Да, у Николая большие связи и прошлым было много улик, доказывающих причастность Белокрылой к тем и тем убийствам. Деньги, положение, плюс связи старого офицера частенько вытаскивали Ангелину сухой из воды. Владимирович думал, - ах ты Ведьма! И как мне теперь быть? А денег хочется из неё вытрясти... Право, я понятия не имею, что у этой психованной бабы на уме... От неё чего угодно ждать можно... Ладно! С этой стороны зайти не получилось... Попробую по другому. Лысый сказал:

- "Ты знаешь Люциферова Михаила Владиславовича?..."

- "А, мальчишка? Сладкий экземпляр... Жив ещё?"

- "Не только жив... Так знаешь его или нет?!"

- "Близко знакома... Ближе, чем ты думаешь... Бесполезная вещь... Этот Люциферов... Ничего в нём нет особенного, разве, что смазливая мордашка..."

- "Он заплатит мне кругленькую сумму за то, что я засужу тебя за массовое убийство учёных и взрыв лаборатории. Ты ведь знаешь, кто мой брат? Со мной лучше не сориться, со мной лучше дружить..."

- "Ну и чего ты хочешь, Мразь?"

- "Ты что, дура?! Денег естественно! Бабла! Скажем так, пару, тройку лимонов для начала, если конечно же этот твой Люциферов не предложит мне больше... Так что... Можно сразу,- десять."

- "Ага. Понятно... Чего ни-будь ещё?"

Согласилась? Получилось! Маленькая дрянь, так и знал, что она блефует, грозясь убить меня... Я нужен тебе, сука! Я со своими связями всем нужен... А теперь, позабавлюсь от души,- улыбнулся своим мыслям Николай Владимирович. Почесав бородавки не своим огромным носе, урод заявил:

- "Ну, будет справедливо, если ты позволишь мне тебя проучить... Ты ведь, меня достала! Согласись, Гель, ты в конец охуевшая тварь..."

- "Вот как? Продолжай..."

- "Не беспокойся, буду бить аккуратно, но сильно. Потом ты встанешь передо мной на колени и в качестве извинений, да в благодарность за мою доброту, как следует мне отсосёшь. Не гоже добра не помнить..."

Офицер чувствовал победу, про себя смеялся. Он уже предвкушал, как получит удовольствие, отомстит в полной мере и поставит нахальную бабёнку на место. В мире мужчин нет места женщинам, лишь в качестве прислуги или подстилки, так считал Какашкамразь. После этого всего, гнилой подонок планирует потребовать с Ангелины ещё денег, а всё равно посадит, да пожизненно, при чём в такую тюрьму определит, где каждый желающий будет вытирать об неё ноги и пользоваться ей. Мечты Николая прервал смех Белокрылой. Не добрый, истеричный смех. Внутри всё сжалось в единый комок.

- "Считай минуты, ублюдок..."

- "Ты..."

- "Не тыкай мне, гнилой бурдюк с дерьмом! Твои дни сочтены..."

- "Нет! Ты не можешь меня убить! Я тебе нужен!"

- "Ты?! Мне?! Ха,- ха,- ха, -ха, -ха, -ха! Дерьмо всегда воняет, жаль никогда не тонет... Что, сучара, в конец разнесло тебя от эгоизма, и самомнения? Боже, до чего же ты уродлив... Но ничего, исправим... И хирург для тебя найдётся и патологоанатом. А свой заплесневелый вонючий огурец сам будешь сосать, понял меня, ты, протухший помидор?! Если у такого жадного слабака и труса вообще между ног что-то имеется..."

Это было её последнее слово. Белокрылая Ангелина Васильевна отключилась. У Николая челюсть отвисла. Мусор не знал, что женщина принадлежит ордену «Чёрный клевер», а некто Люциферов Михаил Владиславович принадлежит ордену «Путеводный крест». Организации то тайные и существование орденов большой секрет. Миша обещал жирному полицейскому плату, но не чего о себе не рассказывал, ни о том, кто он, ни о том, почему хочет добраться до блондиночки.

Та ещё особа, эта Белокрылая Ангелина Васильевна... Далеко не ангел, сущность и характер которой полностью противоположны имени и фамилии женщины. Она меняет мужчин, как перчатки, влюбляет бедолаг в себя и использует, вертит, как захочется, забирая всё, от материального,- денег, до духовного,- мечты, амбиции, желания и прочего. Её интересует всегда внешняя красота партнёра, оболочка, да и только. Много ил надо мужчине, что бы им играть? Правда, одни и те же игрушки блондинке быстро надоедают и она ломает надоевших кукол, то есть убивает, заводит новую игрушку. Развлекается с новым партнёром, пока не надоест. Тем не менее Ангелина шлюхой не была, себя не когда не продавала, да и шалавой её тоже не назовёшь. Она не спала с каждым встречным, поперечным. Лишь с теми, кто нравится и не мужчины использовали Белокрылую, а Белокрылая использовала мужчин.

В семье Какашкамразей заведён простой порядок, каким обычно пользуются большинство сформированных и формирующихся ячеек общества, женщина должна, по определению того, что она,- женщина. Вероника из такой семьи и для неё в приоритете уборка, готовка,

стирка, дай, подай, унеси, принеси, обслужи мужчину. Именно по этому Коля и взял её в жёны, не от большой любви. Ему нужна была прислуга и служка, убирать готовить, да беспрекословно слушаться должна хорошо уметь. Должна уметь жить н коленях перед мужем. В голове Ахмедовой нет собственного ума, что бы жить им. Под черепной коробкой даже места для мозгов нет, там одни только кастрюли, моющие средства для уборки, да половые тряпки, на этом знания о жизни у жены офицера заканчиваются. От Бога в ней,- ноль, ни стремлений, ни амбиций, ни желаний, ни дара, ни таланта. От Дьявола в ней,- ноль, язык хоть и брехлив, да как помело, он не произносит не одного грамотного слова, в которых не прослеживается логическая цепочка, ни единого раза, старуха такой бред, такую чушь несёт, полную завести и желчи, слабости, злобы, да бессилия, и о соседях, и о подругах, сплошная тупость. Князь тьмы искуснейший лжец, король коварства, гениальный актёр и постановщик своих замыслов, который продумывает каждую мелочь. Он не только умён, этот бессмертный, обречённый на вечность, Люцифер безмерно силён, и телом, и духом. М... Да... не сравнить... И близко не сравнить! Вероника Ахмедовна,- безмозглая пустышка, прислуживать идеально подходит для такой, как она. Какашкамрази не знают любви, не умеют её дарить и принимать. Любовь для конченных эгоистов вообще чувствам чужда. Жиртрест знает только себя. Жена его гордиться химерой, тем какая она супер-домохозяйка. А в сущности,-просто рабыня. Погрязнув в материальном, эти люди, отталкивают, презирают, не принимают истинную красоту этого мира, предпочитая грязь бытия.

Глава 7. Сила решает всё.

Квартира Самородкина. С порога хозяина и его гостей встретил большой, рыжий кот, потёрся об ноги и требовательно мяукнул.

- "Два И!", - радостно воскликнул молодой учёный, да погладил любимца по голове.

- "Боже, он просто прелесть!", - разуваясь радостно заявила Инна Романовна. Майн кун тут же выставил огненную грудь колесом и переминаясь с лапки на лапку, довольно заурчал. Мол, хвалите, хвалите меня, своего господина. Вон я какой великолепный.

- "Вам все рыжие нравятся?2, - в шутку спросил Валерий Андреевич, за что и получил от своей начальницы острым, маленьким локтем в бок. Александр Александрович снова засмеялся.

- "Его зовут,- Два И?", - робко поинтересовалась девушка, - "А можно погладить?"

- "Разумеется, дражайшая Инна Романовна. Правда, я буду вас ревновать к своему коту... Самую малость..."

Стояло ей только потянуться, как четырехлапый тут же ткнулся макушкой об нежную ладонь.

- "Два И, я тебя обожаю!"

- "Вот, - подлиза!"

- "А почему, - Два И?"

- "Игорь Игнатьевич."

- "Игорь Игнатьевич?... Но ведь так?...2

- "Вы совершенно правы... Я назвал его в честь своего погребённого под обломками коллеги. Аллилуйкина Игоря Игнатьевича я любил не меньше, чем родного отца."

- "Понятно... Мне очень жаль..."

- "Полно вам, не стоит... Здесь и сейчас я счастлив в вашем обществе, моя госпожа. Прошу, проходите, располагайтесь, я сворю вам кофе."

Самородкин пригласил людей в зал, а сам отправился на кухню. В гостиной стоял чёрный диван, возле него низкий, прозрачный столик, рядом кресло. Над мебелью висели две картины. Учёный любил произведения искусства и ценил талантливых художников. Торшер стоял по правую руку от дивана. На стене напротив расположился плазменный телевизор, прямо на стене. Под ним стеллаж с книжками, но и не только с книжками... Александр любит читать, при этом предпочитает самое разное, от классиков до современных писателей, от пьес, трагедий, поэзии до сюжетов, захватывающих дух, от трудов собратьев по науке до фэнтези, от детективов, мистических детективов до книг по кулинарии и как понять своего домашнего кота. Рядом с носителями букв в ряд стояли фоторамки, на одной фотографии Сашка целует полосатую мордочку Два И, ещё когда Игорь Игнатьевич был маленьким котёнком, на второй фотографии изображалась лаборатория, весь штат сотрудников. По центру, - он, а за плечи его приобнимает Аллилуйкин Игорь Игнатьевич, не кот, - дед, на третьей Сашка в юности, лет восемнадцать на глаз, не старше, в руках держит кубок с распущенными рыжими кучеряшками до пояса отросшими, на фоне красного Феррари, с ним ещё двое, очень похожих на него. Женщина до безумия красивая, высокая, фигуристая, гордая, тоже в очках, волосы огненные, сродня пламени, в несколько раз темнее, чем у Александра, густыми волнами подчёркивали её сказочную красоту. На фото ещё и мужчина с тростью и серыми глазами, галантный, элегантный, напоминает дворянина. Четвёртая фоторамка перевернута фотографией вниз. Кубок с фотографии стоял на полке, на самом видном месте. Учёный получил его в те года за то, что выиграл гонку ралли. Стена по обе стороны от плазмы вся увешена дипломами, наградами, грамотами и медалями. Всегда только первое место, не когда второго или третьего. Всё это добро кучерявый заработал

за научные достижения по самым разным направлениям, биология, химия, физика, астрономия и много другое.

Гости расположились на диване, наконец вернулся Самородкин. Парень нёс округлый поднос. На блюде лежали три фарфоровые кружки с ароматным напитком и фарфоровая тарелочка с изящными слоёными пирожными в виде розочек с клубничным и кремовым суфле между лепестков. С лёгкостью и немой вежливостью прирождённого официанта мужчина распределил содержимое подноса, последним поставив на стол искусственные съедобные цветочки.

- "Для вас, моя леди, я приготовил латте с солёной карамелью.", - сказал он.

- "Как вы?..."

- "Догадался..."

Рыжий протянул шатенке руку и та привычно вложила свою ладонь в его. Александрович целовал тонкие пальчики Романовной. Затем, вежливо поклонился и поспешил удалиться со словами:

- "Прошу меня простить... Я буквально на пару минут..."

- "Ни фиги себе! Какой он...", - приятно удивившись, восхитился Валерий Андреевич, потянувшись за своей чашкой.

- "Какой?...", - спросила девушка.

- "Ну так, это... Джентльмен..."

- "Да! А как ты думал?"

Инна Романовна горда вскинул маленький носик. Затем малышка, по детски забарабанив ногами, принялась уничтожать сладкое. Перед десертом девчушка не могла устоять. Она заулыбалась с набитым ртом, щёки её надулись и со стороны это выглядело умилительно мило. Учёный вернулся, торжественно вручил Валере, как и обещал, свою видеокамеру. Шатен залюбовался аппаратом, голубе глаза сияли безумно, да счастливо, словно два топаза. И так и этак оператор вертел своё приобретение довольный, как Рокфор из мультфильма Чип и Дейл, получивший в подарок два килограмма сыра.

- "Спасибо... Большое...", - прошептал шатен.

- "Рад угодить вам, Валерий Андреевич."

- "Прощай Фредерика... Ну здравствуй, детка... Валентина..."

Александр едва подавил смешок, сел в кресло, взял в руки кофе. Что за эксцентричный малый,- подумал рыжий. Майн кун внезапно прыгнул журналистке на колени. Тяжёленький котик... Усатый довольно заурчал, принялся мяться и ласкаться. Всё же, кое как устроившись, большой котяра на маленьких ножках, Игорь Игнатьевич по барски развалился, положив пушистую морду и потягивая передние лапки. Александр Александрович в эти минуты хорошо прочувствовал, - рана в сердце от потери близкого человека начала затягиваться, регенерировать. Репортёрша и её оператор, словно бальзам для Самородкина. Ревности к шатену молодой учёный больше не испытывал и стал относиться к нему, как к старшему брату Инны Романовны. Тем более, что весёлые, светло-голубые глаза этого парня, полные задора и азарта напоминали рыжему глаза покойного старца. Оба любят пошутить, у обоих энергии через край. Ко всему прочему, те ещё чудачки,- индивидуумы, - один собирал гардероб из белых халатов, сшитых за большие деньги на заказ, другой,- так ласково общается со своими видеокамерами и даёт им женские имена. Сашка, погружённый в раздумья, потянулся за пирожной. Правда вкусняшек он там не обнаружил, тарелочка была пуста. Мужчины посмотрели в сторону Инны Романовны. На них смотрел хомячок, дожёвывая последнее лакомство. Девушка недовольно фыркнула, спрашивая:

- "Что?!", - затем смущённо покраснела, опустила голову и добавила, - "Простите, я нечаянно..."

Оба парня расхохотались. Отсмеявшись, Самородкин вытер салфеткой слёзы.

- "Да, уж...", -протянул он, - "В вашем обществе точно не соскучишься..."

Вездесущий с улыбкой пожал плечами, прокомментировав:

- "Женщины потому и женщины, потому, что жуткие сладкоежки."

Оператор наслаждался кофе, а вот коту показалось, что девушку обижают, усатый замахнулся и аккуратно шлёпнул Андреевича когтистой лапкой по задку, мол, замолчи, раб, нечего приставать к моей новой, тёплой и ласковой лежанке. Валерий айкнул, дёрнулся, схватившись за пятую точку, Александр снова засмеялся. Шатен заметил:

- "С характером, котик... Должно быть все рыжие такие..."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.